

Александр К. Барбаросса

320 +

Александр Барбаросса

320 +

«Издательские решения»

Барбаросса А. К.

320 + / А. К. Барбаросса — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-963940-0

Совладелец рекламного агентства Михаил возвращается к управлению бизнесом из-за демарша своего партнера. Его дядя сообщает племяннику о неожиданно возникшей угрозе. Много лет назад к нему в руки попали старинный пергамент и документы, за которыми охотятся неизвестные, но могущественные люди. Убийство, ограбление, предательство, погони — со всем этим Михаил столкнется в самое ближайшее время. Большие сокровища навсегда меняют судьбы тех, кто оказался причастен к их таинственной истории.

ISBN 978-5-44-963940-0

© Барбаросса А. К.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	34
Глава 7	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

320 +

Александр К. Барбаросса

© Александр К. Барбаросса, 2019

ISBN 978-5-4496-3940-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Прорвавшись сквозь вечную пробку на Садовом, серебристый «Мерседес» нырнул в паркинг стилизованного под сталинскую высотку бизнес-центра в Оружейном переулке. Здание со своими четкими и длинными вертикалями, будто эталон ясной и функциональной инженерной конструкции, высокомерно смотрело как на низкорослого соседа начала прошлого века, украшенного вычурной необарочной башенкой, так и на визжащий нервными гудками рой копошащихся внизу автомобилей. Водитель «Мерседеса», русоволосый мужчина среднего роста, появился на улице. Несмотря на типичную для московского марта морозную погоду, он был без шапки. Деловой стиль одежды, дорогой кожаный портфель и уверенное выражение лица говорили, что это не простой офисный клерк. Он присоединился к курильщикам, сгруппировавшимся вокруг нескольких урн-пепельниц, установленных неподалеку от входа, и неторопливо закурил. Его появление не укрылось от трех девушек, которые стояли, держа в пальцах сигареты, с другой стороны от входных дверей в такой же зоне для курения.

Одна из них, блондинка лет двадцати восьми, обратилась к подругам:

– Смотрите, кто к нам приехал! Михаил Александрович, собственной персоной!

Ее собеседницы с интересом стрельнули глазами в указанном направлении. Высокая шатенка с улыбкой заявила: – Я его еще ни разу не видела, – и после короткой, но вдумчивой паузы игриво продолжила, – А он ничего! Интересно, женат?

Девушки прыснули от смеха, а вторая блондинка неожиданно заявила:

– Наглый, наверное!

Начавшая этот разговор подруга ответила:

– Я за все время работы здесь видела его раз пять. Спокойный, корректный... на вид ему лет тридцать пять – тридцать семь. Больше ничего не знаю. Можно Маринку спросить, она давно работает.

Словно спохватившись, девушка добавила:

– Все, пошли, девчонки! Хорош курить! Сейчас совещание, наверняка, будет. Там и посмотрим на него.

Три подруги исчезли в дверях, а мужчина не спеша докурил сигарету и тоже направился внутрь здания. Через пять минут он вышел из лифта на пятнадцатом этаже и на секунду задержался у закрепленной на стене латунной таблички с надписью «*Рекламное агентство «Атлантик»*». Затем мужчина нажал на кнопку звонка. Ожидая, пока откроется дверь, он разглядывал через стеклянную стену ресепшн-деск и логотип над ним, миловидную девушку, сидящую за стойкой, людей, проходящих мимо с кружками кофе в руках. Наконец, дверь открылась, и посетитель переступил порог офиса. Девушка за стойкой, улыбаясь, произнесла:

– Добрый день, Михаил Александрович!

Мужчина кивнул ей и ответил:

– Добрый день! Скажите, Марина уже в офисе?

– Да, секунду, Михаил Александрович, я сейчас сообщу ей, что вы пришли.

Марина, высокая стройная брюнетка в темно-сером деловом платье, моментально появилась рядом.

– Михаил Александрович, добрый день! Прошу!

Она подошла к двери одного из кабинетов и приоткрыла ее. Посетитель молча прошел в помещение и поставил свой портфель у стола. Затем он снял пальто и бросил его на спинку кресла, оставшись в темно-сером костюме и голубой рубашке без галстука. Марина вошла в кабинет следом за ним:

– Михаил Александрович, вам чай или кофе?

– Кофе, будьте любезны! «Американо» без сахара, но не очень крепкий.

Мужчина взглянул на часы и спросил:

– Совещание в десять тридцать, если не ошибаюсь?

Девушка утвердительно кивнула.

– Вот и прекрасно! Тогда принесите, пожалуйста, кофе и зайдите за мной в это время – не хочу блуждать по переговорным. Хорошо?

Марина снова кивнула и вышла. Михаил подошел к огромному окну и застыл перед ним, рассматривая открывшуюся взгляду панораму. Внизу по заиндевелоу асфальту передвигались люди, автомобили и троллейбусы. Несмотря на холод, по краю проезжей части изредка проезжали даже отчаянные велосипедисты. Постояв у окна, мужчина отодвинул от большого письменного стола кресло, сел в него и, заложив руки за голову, задумчиво оглядел кабинет – сплошной хай-тек и минимализм, который так нравится Сергею, – и снова отвернулся к окну, глядя на город. В памяти всплыл их последний разговор, состоявшийся полторы недели назад.

Сквозь сон Михаил различил знакомое жужжание. Это завибрировал сотовый, оставленный на ночь в беззвучном режиме. Михаил быстро, насколько может едва проснувшийся человек, схватил смартфон и взглянул на экран, на котором белыми крупными буквами высветилось «Серёга». Оглянувшись на спящую Алину, он тихо поднялся и вышел из бунгало в тропический рассвет. Солнце только-только показало свой горящий краешек, но уже окрасило в розовый цвет небо и полоску океана на горизонте. Облокотившись на бамбуковые перила, Михаил тихо ответил:

– Аллю!

– Мишка, привет!

– Серёга, на часы посмотри! Что-то случилось?

– Ты прости, старик, я ни свет-ни заря позвонил...

– Да ладно уже! Рассказывай, что стряслось.

Сергей молчал. Михаил спокойно спросил:

– Ты мне позвонил среди ночи, чтобы подышать в трубку?

На самом деле он знал, что Серёга просто так беспокоить не станет. Значит, вопрос был серьёзный. Наконец, друг подал голос:

– Ты когда возвращаешься в Москву?

– Через неделю.

Сергей снова взял короткую паузу, потом задумчиво протянул:

– Да-а... через неделю... значит, я все верно рассчитал...

Михаил уже нетерпеливо поинтересовался:

– Сережа, что случилось?

На этот раз голос Сергея прозвучал отчетливо и решительно:

– Старик, ты не злись только! Я уезжаю! И не в командировку.

Михаила трудно было удивить, но сейчас Сереге это явно удалось.

– Не понял! Куда ты собрался?

Сергей опять замолчал ненадолго, затем, вероятно, собравшись с духом, выпалил:

– На Гоа, минимум на полгода!

– А «Атлантис»?

– Я не знаю, старик.

Михаил раздраженно заметил:

– Серёга, ты какие-то странные вещи говоришь... Ты трезвый?

– Абсолютно. Понимаешь, я очень устал. Надоело все до чертиков! Хочу отдохнуть немного.

– Сейчас? В марте? Ты же недавно прислал мне список проектов – там беда! Уйма работы!

– Да, все так, но я не могу. Не могу себя заставить.

Это было совершенно непохоже на Серёгу – трудоголика до мозга костей, обожавшего свою работу. Десять лет назад они вдвоем открыли рекламное агентство «Атлантис», причем основным двигателем идеи был именно Сергей. Он бегал по клиентам, разрабатывал концепции, писал презентации, ругался с подрядчиками, словом, боролся за идею не на жизнь, а на смерть. Михаил, безусловно, также принимал активное участие, но, будучи от природы человеком осторожным, изначально смотрел на затею открыть рекламное агентство с сомнением. Сергею удалось заразить его энтузиазмом и доказать через некоторое время свою правоту. Михаил взял на себя административную часть, выстроив эффективную структуру. Через пару лет, набрав неплохой клиентский пул, «Атлантис» стал довольно заметным рекламным агентством, способным предлагать и реализовывать инновационные идеи. Они ничего не боялись – ни возможных провалов, ни потери клиента, – шли к мечте напролом. Сергей часто говорил:

– Скоро «Атлантис» станет номером один среди независимых агентств!

И они действительно пробили стену, заняв серьезную позицию по оборотам. А пять лет назад дядя Михаила, Александр Борисович Кудасов, владелец и глава крупного холдинга «Сигма», увидев впечатляющие успехи племянника, предложил ему позицию вице-президента по маркетингу, заодно отдав в «Атлантис» рекламный бюджет холдинга. Для Михаила это стало признанием его способностей со стороны скупого на похвалы родственника. Нужно учесть, что последние десять лет они прожили фактически вместе. Мать Михаила и родная сестра Александра Борисовича пятнадцать лет назад умерла, и дядя взял на себя заботы о племяннике. Отца Михаил не знал, так как тот оставил семью чуть ли не сразу после рождения сына. Кудасов очень мягко направлял интересы племянника в нужное русло, но, если требовалось, мог и настоять на своем. Так случилось, когда Михаил решил бросить учебу в университете ради заработка. Дядя приложил немалые усилия, чтобы этого не произошло, а племяннику объявил:

– Если ты такой умный, то должен придумать, как зарабатывать головой, а не руками!

Он не баловал Михаила, но на день рождения или Новый год мог запросто подарить экзотическое путешествие или дорогие часы. Иногда Кудасов, глядя на Михаила, спрашивал:

– Добился бы ты успеха, преподнеси я тебе все на блюдечке?

В такие минуты Михаилу начинало казаться, что дядя извиняется за суровость своего метода, но зла не держал. В конце концов, ему удалось доказать, чего он стоит. Главное, что дядя это признал.

Михаил отвлекся от воспоминаний и прислушался к словам Сергея в трубке:

– Старик, я так устал! От всего: от Москвы и ее вечной суеты, от грызни за бюджеты. От людей, наконец!

– А на Гоа людей нет?

Сергей, вздохнув, замолчал на секунду, потом ответил:

– Есть, конечно... но ты же понимаешь, о чем я...

И, оживившись, спросил:

– Знаешь, как меня клиенты наши достали?

– Теперь начинаю догадываться.

– Они меня просто задолбали! Я не узнаю этот мир! Скажи, того ли мы хотели с тобой, когда начинали? Мы переписываем концепции по десять раз, чтобы угодить ничего непонимающим в рекламе людям! Кто тот идиот, который взял их на работу в маркетинг? И вот смотрю я на это и понимаю, Мишка, что счастье не в деньгах, нет!

– Ты не задумывался, что это утверждение обычно разделяют те, у кого деньги есть? А для нищего счастье именно в них! Очень давно сказано, что без вина и хлеба Венера гибнет. Как найти счастье в семье, если безработного с утра до ночи грызет жена – мало денег, да по телеку твердят – ты неуспешный?

Сергей молча выслушал и раздраженно бросил:

– Да не знаю я! Чувствую только, что дико устал. Ничего не хочется. Я недавно обратил внимание на интересный факт. Взял на работу двух новых экзеков. Бабы. И вот иду я как-то по офису и вдруг физически начинаю ощущать себя куском мяса под их взглядами. Они уже посчитали, сколько ты стоишь, и что сможешь им дать, если они с тобой переспят. Тошнит от этого, Мишка! Надоело! И работа не приносит удовольствия. Вроде клиенты платят, грех жаловаться, но хочется сделать что-то крутое. Прилетает очередной бриф – дайте нам wow! Придумали, предложили, команда ночей не спала. И что? Нет, это не для нас – давайте что-то стильное, например, как у «Эппл». А ты видел, Мишка, что у «Эппл» в рекламе последнего айфона? Жуткие рожи какие-то! Ну, скажи, разве это стильно – показывать страшные морды под тупой бит? В общем, я улетаю. Ты прости, что так спонтанно, но я вчера чуть стаканом не швырнул в кого-то. Еле сдержался. Через полгода вернусь.

Михаил пожал плечами, прикидывая про себя, как сообщить дяде о своем демарше:

– Ладно, Серега, не вопрос. Конечно, отдыхай! Разберемся.

– Маринка тебе все расскажет, я ее предупрежу. Ну, конечно, и остальных перед фактом поставлю. Да что я тебе рассказываю!? Ты и сам во всем разберешься. Третью наших проектов – твои, в смысле, «Сигмы». Все, старик, спасибо за понимание, я полетел...

В трубке зазвучали короткие гудки. Михаил тихо прокрался в бунгало и, не включая свет, нащупал на столе сигареты с зажигалкой, а затем вернулся на воздух и в задумчивости затянулся ароматным дымом.

Он повернулся на звук открывшейся двери. Марина поставила на стол чашку с кофе, а второй рукой положила перед ним небольшую картонную коробочку и, улыбнувшись, пояснила:

– Ваши визитки.

Михаил произнес:

– Благодарю, Марина!

Девушка снова улыбнулась:

– Если что-то потребуется, Михаил Александрович, мой номер 101. И через пятнадцать минут я зайду за вами.

Он коротко кивнул, и секретарь оставила его одного. Сделав глоток кофе, он посмотрел перед собой. Взгляд упал на визитки. Михаил достал из коробочки одну и прочитал:

*Михаил Синявский
Генеральный менеджер
Рекламное агентство «Атлантис»*

Дядя непросто воспринял сообщение о том, что теперь Михаилу придется совмещать работу в «Сигме» с руководством агентством. Да, конечно, это не навсегда, а только до тех пор, пока не вернется Серёга. Просто дядя привык, что Михаил постоянно рядом, и можно без опасений оставить на него управление холдингом, а самому уехать в командировку или отпуск. В последнее время Кудасов так и поступал, сделав Михаила вице-президентом с большими полномочиями. Синявский вздохнул и подумал:

– Ладно, прорвемся! Вариантов все равно нет – и здесь надо управлять и на «Сигму» найти время.

В дверь постучали. Отставив в сторону кофе, Михаил ответил:

– Войдите!

На пороге появилась Марина:

– Михаил Александрович, через минуту совещание! Пойдёмте, я провожу вас!

Они вдвоем вышли в коридор. Михаил, проходя мимо застекленных помещений, разглядывал сотрудников – в большой переговорной несколько молодых ребят и девушек оживленно обсуждали красочный слайд, выведенной на экран. Скорее всего, это эккаунты готовятся к презентации. В другом помещении человек пять молодых людей сосредоточенно смотрели в мониторы компьютеров. Похоже на дизайнеров или диджитал-отдел. В противоположность последним в соседнем боксе явно царил гвалт, звуки которого проникали через закрытую дверь. Ясно, это сейлзы. Ну, вроде работа идет.

Глава 2

В просторной переговорной за большим овальным столом светлого дерева уже сидели два молодых человека и пять девушек. Михаил вошёл вслед за Мариной и, улыбнувшись, поздоровался. Представители мужского пола, несмотря на явную молодость, носили густые модные бороды и выглядели или старались выглядеть крайне независимыми. Девушки показались милыми и ухоженными, но за дружелюбными улыбками в их взглядах ощущались одновременно настороженность и цепкость, свойственная скорее разведчикам.

– Интересно, что тут происходит? – подумал Синявский, – Боятся, что я их всех уволю? Странно, дела-то вроде неплохо идут.

Парней он про себя сразу прозвал «купцами», а для девушек не смог подобрать ничего, кроме «клубка змей». Та команда, которую он сформировал когда-то, давно распалась, и присутствующие были ему незнакомы. Последние годы всеми вопросами в агентстве занимался Сергей. Синявский оглядел выжидательно молчавших директоров отделов и произнес:

– Коллеги, предлагаю быстро пробежаться по текучке и наиболее важным вопросам, а затем вернуться к работе. Не хочу тратить ваше время.

Как он и ожидал, с текущими проектами все было в порядке – участие в тендерах и поддержка актуальных кампаний идут по утвержденному графику. В самом начале совещания Михаил попытался угадать, директором какого отдела является каждый из сидящих за этим столом. Как он и предполагал, «купцы» оказались руководителями креатива и диджитал-отдела. После этого интрига исчезла – пять девушек управляли эккаунтами, BTL-департаментом, отделом развития, отделом персонала и отделом медиа-байинга. Ознакомившись со статусом проектов, Синявский поинтересовался, есть ли у присутствующих вопросы к нему. Если нет, то он не задерживает коллег. Коллеги поднялись и вышли. Вопросы нашлись только у Инги, директора отдела персонала. Это была как раз та блондинка, которая узнала его на улице. Михаил внимательно взглянул на девушку:

– Итак, Инга, какой вопрос вас беспокоит?

Инга, придав лицу озабоченное выражение, ответила:

– Сергей лично не проводил собеседования с кандидатами, и я хотела бы знать, собираетесь ли вы продолжать эту практику. Наш отдел – я говорю про отдел персонала – обладает всеми необходимыми компетенциями, чтобы проводить отбор кандидатов, не вовлекая вас в этот процесс.

Она взяла короткую паузу и, понимающе улыбнувшись, добавила:

– Наверняка, у вас и так куча дел, Михаил Александрович.

Михаил взглянул на собеседницу и, откашлявшись, поинтересовался:

– О каких позициях идет речь?

Девушка на секунду подняла глаза вверх, припоминая, и ответила:

– Скажем, в BTL-отделе сейчас открыта вакансия ивент-менеджера. И мы...

Синявский улыбнулся:

– Хм... Простите, что перебиваю, но разве в нашем HR-отделе работают ивентники?

Инга засмеялась:

– Конечно, нет! Хотя мы имеем представление о том, чем занимается ивент-менеджер.

Мы же не первый день работаем.

– И чем же?

Вопрос застал Ингу врасплох. Михаил даже заметил раздражение, на секунду появившееся в глазах девушки. Улыбка сошла с ее губ, и лицо сразу стало злым. Синявский подумал, – Эта так просто не сдается!

Инга пошла в наступление:

– Вы сомневаетесь в моей компетентности, Михаил Александрович? Вы допускаете вероятность того, что HR-директор одного из крупнейших независимых рекламных агентств страны не знает функционал ивент-менеджера?

Михаил примирительно улыбнулся:

– Просто ответьте, и все.

Инга, уже не особо скрывая раздражение, сердито хмыкнула и произнесла:

– Ну, естественно, ивент-менеджер занимается организацией мероприятий! Или может набирать промоутеров.

Чуть склонив голову, Михаил с любопытством спросил:

– Это все?

Уперев глаза в стол, девушка ответила:

– Нет, конечно...

Синявский молча рассматривал Ингу. Красивое, но злое лицо. Дорогая одежда, большой бриллиант на пальцах с отличным маникюром. Бизнес-тигрица, а не девушка.

Она вопросительно взглянула на него, пытаясь понять причину возникшей паузы. Михаил заговорил:

– Давайте поступим так, Инга: ваш отдел собирает резюме кандидатов, а я с руководителем ВТЛ-отдела рассматриваю их, и мы вместе выбираем подходящего человека.

– Но я думала, у вас не так много времени, чтобы заниматься подобными вопросами.

Синявский посмотрел ей в глаза и твердо произнес:

– Инга, послушайте, я найду время для этого. Ивент-менеджер в предстоящем проекте – ключевая фигура. Только прошу не затягивать с резюме, у нас мероприятие на подходе, а сразу мы вряд ли найдем то, что нужно. Хорошо?

Бросив в сторону разочарованный взгляд, Инга поднялась:

– Хорошо. Как скажете, Михаил Александрович!

После ее ухода Синявский поднялся и, подойдя к окну, несколько минут разглядывал автомобильную пробку, ныряющую в тоннель под Маяковкой.

– Да, с этой «эйчаршей» придется побороться. Упивается властью. Разбаловал ты директоров, Серёга! – промелькнула в голове мысль.

Вникая в суть происходящего, Михаил решил в течение недели побеседовать с директорами по отдельности. Серега хвалился, что креатив и диджитал у «Атлантика» на высоте, и это действительно оказалось так. «Купцы» в разговоре один на один показались вменяемыми и деловыми ребятами, тонко чувствующими конъюнктуру сегодняшнего рынка. Девушки из эккаунтинга и байинга произвели на Синявского очень хорошее впечатление профессионализмом и четким пониманием целей и задач своих подразделений. Кроме того, за них говорили еще и высокие финансовые результаты. Вопросы у Михаила остались к яркой блондинке Анжеле, которая возглавляла ВТЛ-отдел. Синявский поинтересовался, как давно открыта вакансия ивент-менеджера, на что она, отчего-то равнодушно пожав плечами, сообщила:

– Месяца три-четыре...

– И как вы справлялись без него?

– А ивентов не было.

– Совсем?

– Да. Сейлзы ничего не нарыли, так что удалось прожить без ивентника.

Синявский помолчал, раздумывая над ее словами.

– Анжела, скажите, что вы собираетесь делать, если в ближайшем будущем вдруг получите бриф на ивент? Или мы неожиданно выиграем тендер.

Девушка быстро вскинула глаза, будто искала в его словах подвох.

– Ну-у... думаю, придется срочно закрывать вакансию. В любом случае, даже если бриф мы получим сейчас, время есть, чтобы кого-то найти. Пока креатив придумает концепцию, пока мы ее презентуем...

Михаил, подавшись вперед, удивленно воскликнул:

– Разве медийный креатив занимается такими вещами?

Анжела улыбнулась:

– Если я попрошу, мне не откажут.

Снова откинувшись на спинку кресла, Михаил спросил:

– А как креатив может придумать что-то, не зная, воплотимо ли это? Они придумают концепцию, ее продадут клиенту, а потом начнутся судорожные метания в поисках того, кто сможет это сделать. И кто, в конце концов, сможет экспертно оценить, насколько такая концепция реализуема?

Анжела молчала. Михаил даже почувствовал неловкость от того, что своими вопросами загнал девушку в угол.

– Анжела, предлагаю следующий вариант. Отдел Инги подберет кандидатов, и мы вместе с вами выберем подходящего. Хорошо? Я жду от нее резюме к концу недели.

Зазвонил его мобильный. Анжела, обрадовавшись окончанию неприятного разговора, показала рукой, что пойдет, и Синявский кивнул ей в ответ. Звонил дядя, Александр Борисович:

– Привет, предатель, как дела?

Михаил, улыбаясь, ответил:

– Привет, дядюшка, дорогой Александр Борисович! Разбираюсь понемногу с проектами в агентстве, только приступил.

Дядя спросил своим низким, чуть с хрипотцой, голосом:

– Когда в гости приедешь? Ждать тебя на выходных, Мишаня?

В конце недели Михаил планировал проехаться с Алиной по магазинам, но слова дяди насторожили его. Точнее, всего одно слово резануло слух. Они давно условились на случай тревоги или опасности, что сигналом будет «Мишаня». Синявский терпеть не мог, когда его так называли, и сразу обратил бы внимание на условный знак. Значит, дядя хочет сообщить нечто настолько важное, что это нельзя доверить даже зашифрованному каналу связи, которым они пользовались. Перед глазами появилось лицо Алины и ее восхитительные серые глаза.

– Наверняка, обидится, – промелькнуло в голове, – мы не виделись неделю. Она вернется из Парижа, а меня нет, но, судя по звонку дяди, лучше поехать в субботу, не откладывая.

Александр Борисович снова спросил:

– Так что? Приедешь?

– Конечно, в субботу буду.

– Вот и отлично, племяш! Буду ждать. Все, обнимаю, пойду на совещание.

В трубке послышались гудки. Михаил озабоченно положил смартфон на стол. Что бы это могло быть, о чем дядя не может говорить по телефону? Интуиция ничего не подсказывала. Александр Борисович слыл большим шутником – запросто мог разыграть. Синявский перебрал в уме все недавние тревожные моменты, но там не было ничего такого, чтобы использовать сигнальное слово, а вот с этим дядя точно шутить не станет.

– Сегодня уже четверг, остался один день, – успокоил себя Михаил, – ничего страшного не должно произойти.

В пятницу Инга прислала ему резюме нескольких кандидатов на вакансию ивент-менеджера. Синявский внимательно вчитался в каждое и попросил директора отдела персонала зайти к нему в кабинет. Когда Инга села в кресло, Михаил сказал:

– На мой взгляд, ни один из этих кандидатов не подходит.

Девушка вопросительно посмотрел на него и спросила:

– Почему, Михаил Александрович?

– Да хотя бы потому, что у них мало опыта для такого проекта!

Пожав плечами в знак недоумения, Инга заметила:

– Вообще-то, все кандидаты согласованы с Анжелой. Она их одобрила.

– Это меня и беспокоит, Инга. «Гаммабанк», наш клиент, является одним из крупнейших в стране. У них довольно сильный отдел маркетинга. Что, собственно, я имею в виду? Проще говоря, там сидят волки, которые любого из предложенных вами кандидатов перекусят пополам и не поперхнутся. Понимаете?

Девушка с изумлением смотрела на него.

– Нет. О чем вы говорите?

Михаил усмехнулся.

– Хорошо, давайте по-другому. «Гамма», вероятно, отдаст нам проведение ежегодного корпоратива приблизительно на тысячу человек. Что значит для нас мероприятие с таким количеством участников? Это прежде всего грамотный менеджмент. Причем всего! Я сейчас про разработку концепции, я про визуализацию, я про соблюдение дедлайнов, реализацию в конце концов, и, безусловно, про презентацию клиенту. Вы предлагаете кандидата...

Синявский взглянул на монитор:

– Вот, скажем, Петр Монькин... Ему двадцать три года! С какой тысячей человек и десятком подрядчиков он сможет управиться?

– Но у него хороший опыт! Он три года работал в промо-агентстве, отвечал и за мероприятия.

Синявский прищурился:

– Инга, мне нужен человек с хорошим большим опытом, чтобы он мог на месте решить проблему, которая, наверняка, возникнет, потому что это всегда происходит на подобных мероприятиях. Этот человек должен суметь вытащить ивент любой ценой. Откуда у Петра Монькина в его двадцать три года такой опыт? Нужно, чтобы наш ивентник лет десять-пятнадцать пахал на этом поле.

Девушка, услышав цифру, изумилась:

– Пятнадцать лет опыта? Но ведь такой кандидат будет гораздо старше Анжелы!

– И что?

Инга хмыкнула, явно раздраженная его непониманием:

– Анжеле будет крайне некомфортно работать с человеком, который старше нее по возрасту. И команда у нее молодая. Кандидату с таким опытом тоже будет неудобно с ребятами.

Синявский терпеливо пояснил:

– Вот смотрите, Петр Монькин, наверняка, завалит мероприятие, и мы потеряем большого клиента. Зато с Петром комфортно всем работать – и Анжеле и команде. Вопрос: настолько ли хорош Петр, чтобы из-за него терять серьезного клиента с приличными бюджетами и репутацией?

Инга возразила:

– Как директор отдела персонала я обязана учитывать фактор совместимости кандидата с коллективом.

– А я и не спорю с этим! Просто найдите более опытного человека. Мне кажется, что в данном случае в приоритете должен быть опыт. Договорились?

Михаил чувствовал, что Инга понемногу начинает его бесить своим упрямством. Поэтому, прекратить этот разговор нужно было как можно быстрее. Когда дверь за ней закрылась, Синявский в мессенджере написал Алине:

Любимая, привет!

*В субботу я у дяди – срочное дело.
Все наши планы, к сожалению, отменяются.
Прости!*

Она перезвонила почти сразу. Михаил подумал:

– Какое было бы счастье, будь Инга хоть немного похожа на Алину!

Мягкий, сексуальный и такой родной голос в трубке произнес:

– Привет!

– Привет, милая!

– Что случилось?

– Да все нормально! Александр Борисович зачем-то меня вызывает.

В ее голосе прозвучали расстроенные нотки:

– Я думала, мы проведем выходные вместе... соскучилась по тебе в этом Париже...

Михаил почувствовал угрызения совести и попытался оправдаться:

– Алин, он неожиданно позвонил. Похоже, дело серьезное.

Алина спросила с тревогой:

– У тебя точно все нормально? Или ты просто не хочешь говорить мне?

Синявский не успел ответить, как Алина добавила:

– Я так соскучилась, Миша! Все, поеду с тобой к твоему дяде! Заодно и познакомлюсь с ним.

Немного опешив от решительного предложения любимой девушки, Михаил все же возразил:

– Алина, дорогая, не надо! Ты же знаешь, что дядя этого не любит. Увидимся вечером. Я тоже очень скучаю по тебе.

– Скажи своему психованному дядюшке, что мне нужен ты, а совсем не он.

– Милая, ты же знаешь – это правило нельзя нарушать.

Молчание показало, что такой ответ задел ее. Стараясь оставаться равнодушной, но все же обиженным и погрустневшим голосом Алина сказала:

– Ну, как знаешь...

– Милая, не обижайся! В любом случае, Басова быстро не пройти.

– Басов? А кто это?

– Начальник службы безопасности. На твою проверку уйдет немало времени.

Михаил услышал голос Алины:

– Мишка, извини, пора на встречу идти. Вечером наберу.

Синявский с улыбкой подумал:

– Ну, вот, обиделась! Как маленькая девочка! Всегда у нее такая детская реакция.

Он даже разозлился на дядю:

– Не мог позвать в другой день! А теперь все планы к черту!

У Александра Борисовича была особенность, которую он сам с иронией называл «моя паранойя». Кудасов терпеть не мог новых людей в своем доме, в который могли попасть только лица, знакомые с ним лет по десять минимум. Все остальные автоматически находились под подозрением. Поэтому, будучи знакомым с Алиной около года, Синявский прекрасно понимал: у нее нет шансов поехать с ним к дяде. Для этого Алину должна была проверить служба безопасности «Сигмы», и ее начальник Павел Басов лично отвечал перед Александром Борисовичем за тщательность проверки. Лет пять или семь тому назад Михаил поехал на день рождения к Кудасову со своей тогдашней девушкой, наплевав на дядину «паранойю». Как результат, охрана просто не пустила машину, и Михаилу пришлось развернуться, чтобы отвезти подругу домой. Само собой, их отношения после такого инцидента прекратились. Когда Синявский обвинил в этом Александра Борисовича, тот лишь возразил:

– Я предупреждал заранее – не надо приводить незнакомых людей ко мне домой! Если хотел познакомить меня с этой девушкой, то сначала надо было познакомить ее с Басовым!

С другой стороны, Михаил не мог не понимать дядю, который после двух покушений крайне внимательно относился к своей безопасности. Соответственно, шансов взять с собой Алину у него не было никаких.

– Ну, тут уже ничего не поделаешь, – подумал Синявский, – выработанные годами меры предосторожности не изменить. Поговорю и сразу вернусь в Москву.

Глава 3

Привычки своего дяди Михаил, естественно, знал прекрасно. Например, встречи в выходные дни Кудасов предпочитал проводить только утром. Поэтому, чтобы не нарушать заведенный порядок, в десять утра Михаил уже летел по Симферопольскому шоссе, обгоняя редкие фуры. Ночью выпал снег, но на шоссе его можно было найти только вдоль обочин и в редких выбоинах в асфальте. Синявский взглянул на часы, – О, самолет Алины только что приземлился! Надо позвонить ей.

Он не успел, так как завибрировал его телефон: Алина!

Михаил нажал на клавишу:

– Алло! Привет, любимая!

– Привет, Миша!

– Как долетела?

– Как же я рада слышать тебя! Так соскучилась! К себе не заезжаю, мчусь сразу к тебе, и махнем вместе к твоему дяде. Черт с ним, этим Басовым, покажу ему свой паспорт, хотя это и ужасно унижительно! Ты дома?

Чрезвычайно приятно услышать такие слова от Алины, но Михаил про себя порадовался, что выехал пораньше. Ему не пришлось отказывать женщине в ее естественном желании побыть рядом с любимым мужчиной. И, конечно, удалось избежать скандала на въезде в усадьбу. Стараясь смягчить неприятную для Алины новость, он с нежностью произнес:

– Милая, я в одной минуте от ворот. И я тоже очень скучаю! Постараюсь вернуться как можно скорее.

Слова девушки прозвучали разочарованно:

– Мишка, я обиделась на тебя! Лечу к нему, звоню, а он...

Синявский рассмеялся:

– Как же я тебя люблю! Отдохни после перелета, а вечером куда-нибудь сходим. Хорошо?

– Да ну тебя!

Она положила трубку. Михаил пожал плечами, – Что это с ней? Какая-то нервная... Устала сильно? Не очень типичное поведение для нее. С другой стороны, это ведь здорово, что по тебе сильно скучает такая девушка как Алина!

Синявский с нежностью подумал о любимой. Как удивительно складываются иногда жизненные обстоятельства! Их знакомство началось с неприятности: «БМВ», стоявший на светофоре, вдруг резко сдал назад и крепко уперся в бампер автомобиля Михаила. «Мерседес» сильно тряхнуло, и Синявский лишь чудом успел подставить руки, оберегая лицо от удара сработавшей подушки безопасности. В «БМВ» открылась водительская дверь, и сначала на улице показались НОГИ! Великолепные длинные ноги на шпильках. Затем появилась девушка. Расстерянное выражение на красивом лице, копна густых темных волос. Она подбежала к «Мерседесу»:

– Боже! Простите, пожалуйста, я перепутала педали!

Увидев сработавшую подушку на руле, девушка, явно занервничав, спросила:

– С вами все в порядке? Как вы себя чувствуете?

Синявский ответил:

– Применительно к ситуации нормально.

– Слава Богу! Мне так жаль! Простите, пожалуйста!

Михаил выбрался на улицу и осмотрел повреждения, а затем позвонил секретарю, чтобы попросить перенести встречу, на которую он уже явно не успевал. Вероятно, теперь придется два часа ждать ГИБДД. Синявский прислонился к машине и расстроено закурил, оглядываясь в поисках виновницы аварии. Его кто-то мягко тронул за локоть. Михаил обернулся. Перед

ним стояла девушка из «БМВ» и протягивала стаканчик с кофе. Синявский машинально взял напиток, а незнакомка, виновато улыбнувшись, сказала:

– Это вам! От чистого сердца! Ну... чтобы хоть как-то загладить мою вину. ГИБДД я уже вызвала: сказали, что скоро приедут. Я и решила сбежать за кофе пока.

Она снова улынулась, и Михаил сразу простил все этому очаровательному созданию. Она действительно была необыкновенно хороша – стройная фигура на изящных длинных ногах, густые темные волосы, красивое лицо и пронзительные серые глаза. Одетая девушка была с большим вкусом – элегантная темно-серая юбка, сдержанная нитка жемчуга на шее и светло-голубая деловая блузка, позволяющая мужчинам дать волю воображению и представить, что она скрывает. Девушка снова принялась извиняться:

– Мне так неудобно!

Синявский жестом попросил ее прекратить, но она расстроено продолжила:

– Не знаю, что случилось! Машина почему-то поехала назад...

Инспектор дорожной полиции приехал очень быстро, и оба водителя принялись заполнять необходимые бумаги. Так стало известно, что незнакомку зовут Алина. Когда процесс оформления ДТП завершился, и девушка, еще раз извинившись, села в свой автомобиль, Михаил вдруг наклонился к двери «БМВ»:

– А вдруг это судьба, Алина? Поужинаем?

Она подняла свои удивительные глаза на него и, на секунду задумавшись, ответила:

– Давайте так: если мы встретимся еще раз, тогда, возможно, это и судьба...

Пока Синявский подыскивал слова для ответа, «БМВ» начал движение и скрылся в потоке. Михаил вернулся к разбитому «Мерседесу», подумав с горечью, что упустил свое счастье.

Тем летом Синявский часто по вечерам выезжал на велопрогулку. Ему нравилось лететь на хорошей скорости по Андреевской набережной до того места, где она упирается в Мосфильмовскую улицу, а потом, развернувшись, мчаться обратно через парк Горького к Музеону. Велопрогулки помогали разгрузить мозг, давая передышку от мыслей. Первое время Михаил перед выходом пытался планировать – на прогулке нужно обдумать новую концепцию или прикинуть ёмкость нового рынка сбыта, но потом бросил это неблагодарное занятие. Едва он сел на велосипед, и в наушниках начала играть музыка, все планы начисто выпадали из головы. На самом деле так было даже лучше, и через некоторое время Михаил начал ценить эти два часа именно за то, что он мог провести их, бездумно крутя педали. Вернувшись домой в день аварии, Синявский взглянул в окно на заходящее солнце и решил, что сегодня ему прогулка необходима как никогда. Проскочив через парк Дворца молодежи на Воробьевых горах, Михаил спустился от улицы Косыгина по извилистому серпантину к набережной и помчался по ней, обгоняя молодых людей на скейтах, самокатах, роликах и прогулочных велосипедах. Любителей бега трусцой здесь было тоже много: поодиночке и парами, молодые спортивные люди и пенсионеры, родители с детьми, все бежали, сосредоточенно глядя перед собой. Синявский сбросил скорость, лавируя между двумя группами ребят на роликовых коньках, и неожиданно увидел Алину, присевшую отдохнуть на деревянную скамейку после пробежки. Он еле узнал ее: теперь девушка была в спортивной одежде, но ее выдали волосы. Михаил не поверил своим глазам, проехал мимо, развернулся и снова проехал рядом. Это точно была она! Синявский остановился:

– Добрый вечер, Алина! Похоже, это все-таки судьба.

Девушка подняла свои изумленные от неожиданности глаза, но, узнав Синявского, улынулась:

– Добрый вечер! Возможно.

Через сорок минут Михаил уже подъезжал по неширокой двухполосной дороге, проложенной среди соснового леса, к вилле Кудасова. Вся обширная территория поместья была обнесена высокой кирпичной оградой, нашпигованной видеокамерами. Михаил остановился перед чугунными воротами и подождал, пока охрана откроет их. Проскочив по боковой аллее среди запорошенных снегом елей, «Мерседес» Синявского нырнул в гараж и остановился рядом с большим черным джипом и «Майбахом», на котором обычно перемещался по городу дядя. Дверь, ведущая в дом, приоткрылась, и в проеме появился Владимир, телохранитель Кудасова. Он внимательно оглядел «Мерседес», затем перевел глаза на Михаила и негромко произнес своим ровным голосом:

– Михаил, добрый день! Александр Борисович ждет вас!

Владимир Кочетков, верный цербер дяди, никогда не нравился Михаилу. Высокий, подтянутый и всегда очень серьезный, он внимательно разглядывал собеседника, будто пытаясь заглянуть ему сразу в душу. Типичный сотрудник спецслужб! Дядя не рассказывал в деталях, как они познакомились, но Михаил припоминал какую-то неприятную историю, из которой Кочеткова вытащил именно Александр Борисович. С тех пор они были неразлучны. Владимир также не проявлял симпатии к Михаилу, всегда держась на расстоянии. Справедливости ради надо сказать, что он вообще никого в этом плане не выделял, преданный только своему шефу. Телохранитель посторонился, пропуская Михаила вперед. Тот прошел мимо и обернулся, вопросительно взглянув на Кочеткова, который словно ждал этого и тут же тихо проговорил:

– Александр Борисович у себя в кабинете.

Поблагодарив его кивком, Синявский вошел в отделанную в стиле барокко гостиную с огромным камином. На его полке по краям стояли два массивных бронзовых канделябра с толстыми витыми свечами, а между ними возвышались потрясающие антикварные часы работы знаменитого саксонского мастера Келера. Полуметровая композиция на тему охоты представляла собой скалу из золоченого серебра. Вокруг циферблата располагались невероятно искусно вырезанные из слоновой кости и черного дерева фигурки охотников с ружьями и копьями, знаменосцев, егерей с охотничьими рожками в руках, рвущихся вперед гончих и кабанов с огромными клыками. Все персонажи были украшены эмалью, янтарем, жемчугом, изумрудами и золотом. Подобные часы, только еще богаче отделанные, мастер сделал для саксонского курфюрста Августа Сильного. Их и сегодня можно увидеть в дрезденском Цвингере. А часы, стоявшие на камине, были изготовлены Келером в начале восемнадцатого века по заказу одного знатного шляхтича. Синявский остановился перед ними и засмотрелся на крупную голову оленя с ветвистыми рогами, которая венчала всю композицию, а затем погладил оленя по носу. Так он делал много лет с тех пор, как еще ребенком впервые увидел часы в доме дяди. Неизвестно, каким образом тому удалось раздобыть такой шедевр, достойный лучших мировых музеев. Кудасов не распространялся на эту тему, но Михаил однажды услышал, как он, рассказывая кому-то из гостей историю часов, упомянул, что их вывез в СССР после войны один известный советский генерал.

Из-за приоткрытой двери кабинета донесся голос Александра Борисовича:

– Мишка, заходи! Все не можешь пройти мимо этого оленя? Не надоело тебе столько лет смотреть на него?

Синявский, услышав шутовское ворчание Кудасова, усмехнулся и ответил:

– Иду!

С трудом оторвав взгляд от часов, он прошел в кабинет. Если до этого посетитель мог восторгаться в гостиной барочными завитушками, лепниной на стенах и потолке, замысловатой инкрустацией мебели и дверей, то в кабинете его ожидал полумрак и мягкий рассеянный

свет, проходящий сквозь витражи окон. У дяди были своеобразные предпочтения по оформлению интерьера, и кабинет он себе организовал в османском стиле. Стены и потолок обили шелковыми обоями, повторяющими изникские изразцы султанского Гарема в Топкапы. Мебель здесь была тоже османская: низкие оттоманки и кресла, стол, книжные шкафы, которые Кудасов разыскал в Стамбуле и привез сюда. Он прочесал чуть ли не все антикварные лавки Султанахмет, Бейоглу и Бешикташа*, а когда завел знакомства среди турецких антикваров, то прошелся еще и по уцелевшим от пожаров старым босфорским особнякам пашей. В окна установили витражи из синих и желтых стекол – ему нравился их рассеянный свет, который он заметил во дворце Топкапы. На полу лежал огромный персидский ковер. Камин в кабинете был выложен настоящими изразцами, которые ему бог весть каким способом удалось вывезти из Турции. Он мучал строителей и декораторов до тех пор, пока ему не сделали практически точную копию камина, расположенного в одном из залов знаменитого дворца. Теперь, подобно султану, Александр Борисович лежал на оттоманке, вытянув ноги. Увидев племянника, он поднялся навстречу и раскрыл объятия. Мужчины обнялись. Кудасов похлопал Михаила по плечу и предложил перекусить, но тот отказался. Дядя, как всегда элегантно даже в домашней одежде – темно-синий удобный кардиган поверх голубой рубашки, фланелевые брюки мышинного цвета – вернулся на свою оттоманку, а Михаил уселся в кресло. Дядя спросил:

– Как добрался?

Синявский пожал плечами:

– Нормально доехал, без пробок.

– Это потому, что рано.

Кудасов задумчиво посмотрел на сине-желтые витражи и заметил:

– Мне на днях статья одна попала. Так там люди на полном серьезе пытаются выдать Андроника Комнина за Христа! Представляешь? А Стамбул они считают Иерусалимом!

Михаил рассмеялся:

– Что за чушь?

Дядя воскликнул:

– Еще какая! Они Сулеймана Великолепного выдают за Соломона!

– Как это?

– Оголтельный популизм и подтасовка – вот что это такое! Я не понимаю, где они находят людей, которые верят в такую ерунду? Это какой наглости надо набраться, чтобы утверждать, будто под Александрийским столпом в Петербурге спрятаны реликвии, некогда хранившиеся под колонной Константина в Стамбуле. Куда мы катимся, Миша, если такое имеет место быть? Надо вообще не знать историю, чтобы поверить в подобную белиберду!

Михаил внимательно взглянул на дядю и подумал, что дело явно серьезное, если даже Александр Кудасов не знает, с чего начать разговор. Вряд ли он позвал его лишь для того, чтобы обсуждать проблемы современной науки и образования. Дядя, словно прочитав его мысли, спросил:

– Помнишь ту возню, что началась год назад вокруг «Сигмы»?

Естественно, Михаил понял сразу, о чем идет речь. Неожиданно, на относительно спокойном в жизни холдинга этапе вокруг акций «Сигмы» поднялся ажиотаж. Началось с того, что держатели ценных бумаг один за другим стали сбрасывать их, но потом так же рьяно принялись скупать проданное. Получилось, что крупные объемы были раздроблены на небольшие партии, раскупленные множеством компаний. Акции поменяли владельцев, и вскоре все успокоилось. Такое случается на рынке, реагирующем на изменения подобно живому организму. Здесь все время кто-то что-то продает и покупает. Синявский вспомнил, что пока это происходило, дядя довольно странно, по мнению племянника, смотрел на происходящее. Он был абсолютно спокоен, равнодушно выслушивая отчеты, как будто его совсем это не касалось. Чехарда с ценными бумагами прекратилась также внезапно через три недели, и акции даже

выросли в цене. У Синявского даже мелькнула мысль, что таким способом дядя решил поднять стоимость акций, но, поразмыслив, он отказался от этой идеи – слишком уж рискованно. Оторвавшись от воспоминаний, Михаил ответил:

– Да, конечно, помню.

Кудасов кивнул головой и продолжил:

– Года три назад я отдавал в Пушкинский музей на выставку один старинный документ.

И, собственно говоря, вся эта история началась из-за него.

Синявский с сомнением заметил:

– Какое отношение к «Сигме» может иметь отданная в музей бумага?

Дядя отрицательно покачал головой и улыбнулся:

– Ошибаетесь, Михаил! Во-первых, это не бумага, а во-вторых, как выяснилось, документ все-таки имеет отношение к «Сигме». Косвенное, разумеется.

Михаил произнес:

– Что-то ты темнишь, дядюшка!

Кудасов раздраженно махнул рукой:

– Какой там темнишь, Миша! Просто выглядит это все довольно странно...

– Слушай, ты начал с возни вокруг компании, а сейчас просто перешёл на загадки.

Дядя, погрузившись в ему одному ведомые мысли, рассеянно повторил:

– Загадки... загадки...

Затем, словно стряхнув с себя эти размышления, бодро проговорил, возвращаясь к предмету разговора:

– Это не бумага, а византийский пергамент из султанской библиотеки. Я отдавал его на выставку, и, вероятно, там они его и заметили.

– Кто «они»?

– Пока толком не знаю, но документ этот им очень нужен, если они решились на такое.

Синявский рассмеялся:

– Мне понятнее не стало, честно скажу.

Кудасов улыбнулся:

– Сейчас поймёшь. Где-то год назад или около того, как раз перед всей этой историей с акциями приезжает ко мне Палыч...

Виктор Павлович Туманов был старым другом Кудасова еще со школьной скамьи. У Туманова был свой антикварный салон, который он открыл лет тридцать назад. Александр Борисович частенько навещался в салон, и друзья подолгу сидели вместе, рассматривая антикварные вещицы. Михаил называл его «дядя Витя», хотя это совсем не вязалось с внешностью Туманова. Высокий, холеный, с густой седой бородой, элегантен – он менее всего походил на «дядю Витю», а вот определение «барин» подходило ему как нельзя лучше.

Кудасов продолжал:

– Палыч рассказывает, что к нему в салон приехал какой-то клиент в поисках старинных византийских рукописей и интересовался, не продам ли я этот пергамент. Каким-то образом им удалось выяснить, что артефакт принадлежит мне, и что через Палыча можно выйти на меня.

– А откуда Туманову известно про рукопись?

Кудасов дотянулся до маленького столика с хьюмидором, и в пальцах у него появилась сигара. Он пояснил:

– Во-первых, именно Палыч отдавал ее в музей, а во-вторых, он знает про документ очень давно.

– Мне интересно, как вообще у тебя оказался этот пергамент?

Раскурив сигару, Александр Борисович ответил:

– Это действительно довольно любопытная история. А началась она в 90-х... году, кажется, девяносто третьем или четвертом, я уже и сам точно не помню. Мы с Палычем поехали в Стамбул. Он – в поисках восточного антиквариата, а я – так, за компанию, город посмотреть и прикупить чего-нибудь интересного.

Кудасов похлопал рукой по оттоманке и добавил:

– Вот эту вещицу я тогда и приобрел, между прочим.

Выпустив густые клубы дыма, он смотрел на них несколько секунд и продолжил:

– Палыч решил прошерстить все антикварные лавки в Бешикташе и Шишли*, а я отправился прогуляться по улицам. Перешёл мост, вышел к Галатской башне, сел в каком-то кафе, выпил кофе и снова пошел гулять. На дворе весна, хорошо! Мне все в диковинку – кривые переулки, здания, кофейни, Золотой Рог, Босфор, минареты. Это сейчас меня не удивит таким, а тогда мы ничего подобного еще не видели.

Михаил знал, что дядя обожает Стамбул и может говорить о нем бесконечно. Снова выпустив облако дыма, Кудасов уперся глазами в витраж и вернулся к своей истории:

– Ходил я, ходил и в конце концов оказался в Бейоглу**. Улица как улица – там кофейня, здесь продуктовая лавка, а на другой стороне отель. В конце улицы еще лавка. Меня отчего-то удивило ее название – «Искендер Суворовф» – что в общем-то очень нетипично для Стамбула. Подхожу ближе, читаю – антиквариат, картины, монеты, книги и мебель. Кроме названия, все как у всех остальных подобных заведений. Дай, думаю, найду, вдруг Палычу помогу откопать какую-нибудь редкость. Короче, захожу внутрь. Типичный антикварный магазин, в котором для себя что-нибудь найдет и нумизмат и букинист; на стенах картины с видами на Босфор, на возвышающиеся над холмами Города минареты Айя-Софии и Султанахмет. Стою, оглядываюсь по сторонам, ищу хозяина. Из-за книжного шкафа раздается голос:

– Hello, Sir! How can I help you? Would you have a look at my collection of different antiques?

Заглядываю за шкаф и вижу глубокого старика, совсем седого, довольно высокого. Он стоит в робе, испачканной разноцветными красками, с кистью в руке перед мольбертом и рисует картину. Неожиданно он поворачивает голову и, улыбаясь, снова спрашивает:

– What exactly are you looking for?****

Александр Борисович порывисто встал с оттоманки и, приоткрыв дверь кабинета, позвал:

– Маша!

Через минуту в дверях появилась Мария Васильевна, бессменная горничная и повар Кудасова в течение многих лет. Для Михаила всегда было загадкой, как ей удается готовить еду и присматривать за порядком в усадьбе и квартире Александра Борисовича. Она приветливо улыбнулась и кивнула Михаилу. Дядя, заметив ее, попросил:

– Маша, сделай кофе мне и племяннику, пожалуйста! И плюшки свои не забудь!

Женщина молча удалилась. Кудасов подошел к окну и задумчиво произнес:

– Думаю, с кофе нам будет повеселее.

* *Султанахмет, Бешикташ, Шишли – районы Стамбула (прим. автора)*

** *Бейоглу – район Стамбула (прим. автора)*

*** *Добрый день! Чем могу помочь? Не хотели бы взглянуть на мою коллекцию антиквариата?*

**** *Вы ищете что-то конкретное?*

Глава 4

Пока Мария Васильевна готовила кофе, Михаил закурил и поинтересовался у дяди:

– А дальше что было?

Александр Борисович вернулся на оттоманку и, вытянув ноги, снова заговорил:

– Я ему отвечаю на английском, естественно, что просто гулял и заинтересовался необычным названием его магазина. Он опять улыбается и спрашивает, не из России ли я. Видимо, акцент выдал меня с головой. Как только я это подтверждаю, он тут же переходит на русский. Мы разговорились. Хозяин позвонил в колокольчик, и в лавку вошла девочка лет пятнадцати. Он ей что-то сказал по-турецки, и через пять минут мы уже пьем с ним кофе. Оказывается, он сын белоэмигрантов, которые после Революции осели в Стамбуле, а Александр Суворов – это его настоящее имя. Вероятно, мы как-то сразу сошлись с ним. Хозяин оказался довольно открытым человеком, стал рассказывать...

В дверь негромко постучали. Кудасов ответил:

– Да, входите!

Мария Васильевна с подносом на руках прошла в кабинет и поставила его на небольшой чайный столик. Кудасов кивком поблагодарил женщину и, взяв чашечку с кофе, обратился к Синявскому:

– Давай, угощайся!

Михаил сделал глоток и напомнил:

– Ты говорил про белоэмигрантов.

Дядя поставил кофе на поднос:

– Хозяин рассказал мне, как после Революции он с родителями приехал в Стамбул, как было трудно здесь всем русским эмигрантам. Сначала родители хотели уехать в Париж, но денег на переезд не хватило, и они остались в Турции, постепенно ассимилируясь с местными. Старик вспомнил про соседа, какого-то офицера, которому все-таки удалось вырваться в Париж. Тот был добр к мальчику, угощал конфетами. И неожиданно хозяин умолкает, а потом снова вызывает девчущку, что-то ей говорит, и она приносит большую шкатулку. Старик достает из нее сверток и протягивает мне. Видно, что упакован он очень давно – бумага старая-старая. И хозяин лавки объясняет, что здесь документы, оставленные его отцу на хранение перед отъездом в Париж тем самым русским офицером. К сожалению, сосед так и не вернулся, и пакет остался у них в семье. Я, естественно, спрашиваю, зачем он мне это предлагает. Старик подозрительно оглядывается, будто нас могут услышать, и полушепотом сообщает, что в этих документах есть какая-то тайна. Его отец однажды обмолвился, что офицер занимался историей и пытался что-то отыскать. Судя по всему, ему даже удалось обнаружить нечто, заставившее его спешно отправиться в Париж. Отец, мол, говорил, что сосед уехал за деньгами. Он хотел найти, видимо, кого-то, кто мог стать спонсором поисков или раскопок. В то время все русские аристократы из тех, кому удалось вывезти свои ценности, жили в Париже. Отца этот офицер просил никому не говорить про пакет и спрятать его хорошенько, так как за этими документами могут охотиться.

Михаил прервал рассказ дяди и со смехом спросил:

– Кто? Надеюсь, не масоны или иллюминаты?

Кудасов взглянул на племянника с улыбкой:

– Мишка, вот ты взрослый мужик уже! Я тебе серьезные вещи рассказываю, а ты все зубоскалишь.

Синявский примирительно поднял руки:

– Все, не буду! Извини, пожалуйста! Просто это выглядит так таинственно, что даже улыбку вызывает. Что там за документы, за которыми могут охотиться?

Александр Борисович стряхнул с сигары пепел и ответил:

– Не спеши! Дойдет черед и до этого. Я хозяина тоже спросил об охотниках. Он пожал плечами: мол, не знаю, но есть ряд странных фактов. Такое ощущение, будто этот сверток кто-то очень настойчиво ищет. Отец никому про документы не говорил, но в шестидесятых неожиданно в лавку зашёл Хакан, в то время известный в Стамбуле бандит, контролировавший весь Бейоглу. Невероятно, чтобы птица такого полета лично зашла в лавку Искендера. Тем не менее, это произошло, и он стал задавать вопросы по поводу офицера и документов. Старик отнекивался, сказал, что документов не видел, ничего толком не помнит, что если и был пакет, то его оставили отцу. Хакан выслушал его, но вряд ли поверил. По крайней мере, так показалось Искендеру. Как бы там ни было, на следующий день машина Хакана столкнулась с грузовиком и упала с обрыва в Босфор.

Михаил присвистнул от неожиданности:

– Убрали?

Александр Борисович пожал плечами:

– Старик сказал, что об этом все газеты написали. Я его тоже спросил про такую теорию. Он не был уверен в убийстве и допускал волю случая. Правда, Искендер основывал свою уверенность на том, что сила, которая могла замахнуться на Хакана, должна была быть очень серьезной.

Синявский оживился:

– Детектив какой-то. А что дальше?

– А дальше ничего. Долгие годы тишины. И где-то дня за два до моего появления в лавке, к Искендеру зашел человек и начал расспрашивать про документы из султанской библиотеки: можно ли их найти, не попадались ли старику такие документы и так далее. Тот смекнул, что это, видимо, продолжение старой истории, и опять давай отнекиваться. Я его спрашиваю, почему он не хочет продать пакет. Люди эти его с удовольствием купят, раз он им так нужен. А хозяин объяснил: не понравился ему этот человек. Неприятный, и глаза какие-то змеиные. В общем, просит старик меня взять эти документы. А я говорю:

– Зачем это мне?

Он просит:

– Увези бумаги, страшно мне. А на тебя никто не подумает – ты турист, да и ко мне много людей приходит. Почему ты? Не знаю. Возможно, интуиция...

Пожалел я его и взял бумаги. Пришёл, даже разворачивать не стал, бросил в сейф в номере. А перед отъездом, дня через два, решил вернуть.

Михаил с удивлением спросил:

– Почему? Подумал, что это могут быть запрещенные к вывозу вещи?

Кудасов отрицательно покачал головой:

– Нет, я потом все-таки посмотрел – несколько страничек личных записей на русском и старый пергамент на греческом – туркам на это плевать. Нет, Миша, мне в какой-то момент стало не по себе. Подумалось, что не должен я связываться с этими бумагами.

– А почему не вернул тогда?

Кудасов, выпустив на свободу очередную порцию дыма, проговорил:

– Я и пошел к старику, чтобы вернуть пакет и извиниться. Только лавка его сгорела – одно пепелище осталось.

Синявский встал с кресла и прошелся, заложив руки за спину.

– Выходит, убили Искендера?

Кудасов пожал плечами:

– Не знаю. Я развернулся и ушел. Ни у кого ничего узнавать не стал. Это могло быть и простым совпадением...

Михаил остановился:

– Но ты так не думаешь?

Дядя, вздохнув, снова остановил взгляд на желто-синем витраже:

– Теперь уже нет. Собственно, ради этого я и вызвал тебя.

– В смысле?

– Я же не случайно напомнил тебе про катавасию с акциями «Сигмы».

Синявский вернулся в кресло, а дядя добавил:

– Как я тебе рассказал, после той выставки на Палыча вышли люди с предложением купить пергамент, а он, естественно, сообщил об этом мне. Я отказался, и...

Михаил перебил:

– Интересно, почему?

Кудасов хмыкнул:

– Во-первых, чтобы выиграть время – сам хотел разобраться, насколько ценный этот документ. Во-вторых, чтобы поднять цену, если бы надумал продать.

– И как, разобрался?

– Не успел, стало не до этого.

– А что за люди?

– Непонятно, какой-то культурный фонд турецкий, точно и не помню. Они могли кем угодно представиться. И после моего отказа началась вся эта чехарда с акциями. Я поэтому и не успел отдать документ на изучение.

– Ты меня перекинул тогда на «Нептун», и я не помню все детали ситуации.

Александр Борисович оживился:

– Миша, ты же этим «Нептуном» спас нас!

Видя изумление в глазах племянника, он пояснил:

– Ты очень вовремя добился завершения проекта «Нептун». Новость об этом крайне положительно сказалась на стоимости акций.

– Но какая связь?

Александр Борисович понимающе кивнул:

– После моего отказа рынок неожиданно стал «сливать» наши акции, и началось падение. Никто не понимал, что происходит. Тем не менее, бумаги за бесценок кто-то скупал, и тогда я попросил службу безопасности навести справки о покупателях. На первый взгляд это выглядело совершенно обыденно: акции покупали несколько небольших инвестиционных фондов из разных уголков мира, заинтересованных в диверсификации портфеля. Обычное дело, не более того. Из-за санкций наша промышленность сейчас не так привлекательна для инвестиций, но кое-кто иногда нет-нет и все-таки рискнет. Мы голову сломали, чтобы найти способ остановить падение. Финансисты проанализировали ситуацию и пришли к неутешительному выводу: некто активно собирает блокирующий пакет. Таким образом эти люди решили продемонстрировать мне свою силу.

Синявский снова вспомнил, что дядя, как ни странно, действительно довольно спокойно реагировал на происходящее.

– Почему ты сделал такой вывод?

Кудасов улыбнулся:

– Они вышли на связь через Палыча. Попросили передать, что это только начало, и лучше бы мне пойти на компромисс и продать пергамент. И тут новость про «Нептун» – бах! Акции пошли вверх такими темпами, что у этих ребят просто не хватило бы денег, чтобы скупить все наши бумаги. Кроме того, появились еще желающие приобрести акции. В общем, полное фиаско их затеи!

Александр Борисович довольно потер руки и прошелся по кабинету. Михаил молча раздумывал над услышанным, а дядя проговорил:

– Но позвал я тебя вот почему: версия о скупке блокирующего пакета полностью подтвердилась. Все эти компании находятся под контролем одного человека – фигура абсолютно непубличная, некий Эмин. И он снова вышел на связь, но уже с угрозами, требуя продать ему пергамент. И самое главное, если раньше они приходили к Палычу, то в последний раз этот Эмин позвонил мне на мобильный.

Глаза Михаила округлились от удивления:

– Тебе?! Но как он мог узнать номер?

Александр Борисович развел в стороны руки:

– Понятия не имею. Они нашли мой суперсекретный номер и позвонили мне напрямую. Безопасники работают над этим вопросом, но, к гадалке не ходи, это кто-то рядом.

– В смысле?

– Кто-то в офисе или рислуга, пока не знаю. Но это всегда кто-то совсем близкий.

– А что представляет собой этот пергаментный документ? Что в нем такого?

Кудасов уселся в кресло:

– Толком не знаю. Я за эти годы пакет развернул один раз. Текст времен Византии на греческом, печать султанской библиотеки. Я вчера отдал на изучение его девчонке-византологу из Пушкинского музея. Она – грамотная, разберется. А мне надо в Вену смотаться на симпозиум, на три дня. И телефон твой я ей тоже оставил на случай, если она меня не сможет найти. Так что будь готов в музей подъехать. Ладно?

– Не вопрос. Надо – значит надо. Когда летишь?

– В понедельник вечером.

Синявский поинтересовался:

– Ты ей все документы отдал?

– Нет, только этот фрагмент на греческом, а остальное на квартире в Москве оставил. Мне самому не терпится узнать, что там такое уж важное содержится.

Михаил, переваривая услышанное, произнес:

– Надо же, столько лет пролежали документы, и все же понадобились.

Кудасов отреагировал:

– Мне из-за этой истории на память пришла старая ПРИТЧА ОБ ОРУЖЕЙНИКЕ. Знаешь ее?

Михаил отрицательно покачал головой, и дядя, стряхнув пепел, начал рассказывать:

Давным-давно в Дамаске жил оружейник по имени Хасан. Еще ребенком его отдали в подмастерья к великому Амиру, знаменитому мастеру, который изготавливал прекрасные мечи дамасской стали. За годы обучения Хасан узнал все секреты и тонкости своего ремесла и сам стал знаменитым оружейником. Его мечи носили многие великие султаны, шахи и халифы. Выкованное им оружие передавали по наследству как величайшую драгоценность. Не было знатного вельможи на Востоке, который не стремился бы иметь меч, изготовленный Хасаном.

Однажды жарким летним днем в дверь его мастерской постучались. Ученик, увидев стоящего на пороге человека, в страхе побежал за мастером. Хасана ожидал гонец из Константинополя. Прибывший передал мастеру фирман от самого Рустем-паши, Великого визиря султана Сулеймана. Визирь приказывал Хасану изготовить для него меч в драгоценных ножнах. Рустем-паша дал очень подробные указания относительно размеров клинка и того, как именно следовало украсить рукоять и ножны. В качестве оплаты гонец оставил мастеру верблюда с притороченным к седлу мешком золота.

Принимая во внимание важность заказчика и щедрую оплату, Хасан отложил всё и немедленно приступил к работе над мечом для Великого визиря. Он сосредоточенно трудился, стараясь создать оружие, по-настоящему достойное человека, на которого полага-

ется сам падишах. Мастер ковал великолепные клинки, но затем принимался переделывать все заново, так как ни один не казался ему подходящим для Рустем-паши. Наконец, Хасан изготовил меч, который был совершенным – дивной красоты узор равномерно покрывал весь клинок. Издали даже казалось, будто разнообразные дуги и разводы дамасской стали складываются в слова. Теперь меч нужно было испытать, и Хасан, положив его на голову подмастерья, начал сгибать клинок к плечам мальчика. Меч прошел проверку на упругость, и тогда мастер послал ученика в лавку за шелковым платком. Теперь нужно было испытать, насколько хорошо заточен меч. Мальчишка принес платок и отдал его Хасану, который, держа в одной руке клинок, другой рукой подбросил вверх шелк. Куски ткани, рассеченной надвое безжалостной и острой как бритва сталью, бесшумно скользнули на пол. Хасан удовлетворенно щелкнул языком – это был лучший меч, который он выковал.

Сидя в тенистом дворе, мастер довольно подумал, что он не зря трудился столько лет. Посмотрите, каких высот он достиг! И только неясная мысль, промелькнув так быстро, что Хасан не успел ее поймать, оставила тревожный след в его душе. Уже готовый подняться, мастер продолжал сидеть во дворе, пытаясь объяснить самому себе причину этой тревоги. Следя за передвигающейся тенью от дерева, Хасан долго размышлял и, в конце концов, пришел к такому выводу: его беспокоит то, что сегодня он достиг совершенства. Лучшего меча ему уже не создать. Оттого грустно и тревожно на душе, ведь он добрался до самого конца пути. Осталось только завершить начатое и отдать меч визирю. Исполненный грусти, Хасан поднялся и отправился назад в мастерскую. Он снял точные мерки с меча, чтобы сделать заготовку для ножжен. Это крайне важно, так как клинок должен плотно сидеть внутри и одновременно свободно выходить из ножжен, когда потребуется владельцу. Через несколько дней Хасан примерил меч к только что выкованным ножжам и не поверил своим глазам. Ножжны были шире клинка! Озадаченный мастер вышел во двор, присел в тени и долго размышлял о случившемся, вспоминая ту крепкую затрепину, которую влил ему когда-то старший Амир за неверные размеры. В тот раз ножжны не подошли, но урок пошел впрок, и большие такого с Хасаном не случалось. Мастер еще раз сверил сделанные им ранее замеры и не нашел ошибки. Однако, как ни крути, эти ножжны не подходили к мечу Рустем-паши. Раздосадованный Хасан вернулся в кузницу, снова измерил меч и изготовил новые ножжны. На этот раз у него все получилось. Наконец, настал день, когда посланцу из Константинополя был вручен меч для Рустем-паши. Рукоять и ножжны украшали драгоценные камни в точности так, как требовал визирь. Хасан долго стоял на пороге, с грустью смотря вслед своему шедевру, который он больше никогда не увидит. Конечно, к нему по-прежнему обращались с заказами, и он все так же ковал отличное оружие, но в глубине души осознавал, что его лучший меч был отдан визирю султана. Неправильную заготовку ножжен он повесил на стене в качестве напоминания себе о том, как важно не терять внимание.

Прошло три года, и в дверь Хасана снова постучал гонец из Константинополя. Он передал письмо от неизвестного мастеру Ибрагим-паши. Тот просил изготовить для него меч и посылал некоторое количество золота. Паша не прислал никаких требований кроме одного: пусть его меч будет не менее прочным и острым, чем самый лучший клинок, выкованный Хасаном.

Эти слова задела старого мастера: все его мечи были прекрасны, еще ни один владелец не пожаловался на их прочность и заточку. Хорошо, Ибрагим-паша, ты получишь свой меч! Хасан отправился в кузницу и принялся за работу. И снова он ковал и перековывал сталь, пока не изготовил клинок, который показался ему достойным. На этот раз узоры сложились поистине самым удивительным образом в написанную по-арабски фразу «Аллах велик!». Ошеломленный Хасан не мог объяснить, как ему это удалось. Проверка меча на остроту и упругость показала, что мастер превзошел самого себя: сталь была так прочна, что меч можно было закрепить на теле вместо пояса. Он с легкостью разрубал несколько подушек, положенных

друг на друга, а как известно, такое под силу только очень острому клинку. Хасан рассматривал меч с восторгом – вот теперь он создал действительно нечто выдающееся! Это будет достойным ответом заносчивому паше. Мастера не особенно беспокоило, что такое оружие получит какой-то неизвестный ему приближенный султана. Хасан искренне радовался своей удивительной работе – ему удалось выковать меч, который превосходил по качеству даже клинки, изготовленные его учителем Амиром, а они по праву считались непревзойденными шедеврами. Наконец, Хасан приступил к ножнам. Он тщательно снял все мерки с меча, памятуя о двух своих промашках. Вдруг, словно вспомнив что-то, мастер подошел к стене мастерской и снял висевшую там уже три года старую заготовку. Примерив меч к ножнам, Хасан изумленно воскликнул: они подходили идеально, будто специально были сделаны для этого! Когда Хасан отдавал гонцу меч, то поинтересовался, кем же был загадочный Ибрагим-паша, но тот лишь промолчал в ответ.

Жизнь мастера шла своим чередом. Иногда он вспоминал о том удивительном мече и, конечно, неизменно возвращался к случаю с ножнами, который никак не давал ему покоя. И однажды Хасан пришел к муфтию. Рассказав свою историю, старый мастер попросил ее объяснить. Муфтий надолго задумался. Он сидел неподвижно, закрыв глаза. Хасан было подумал, что собеседник заснул, но тут муфтий очнулся и произнес следующее:

– У всего в этом мире свой час. Мы не можем знать заранее, для чего понадобится или где пригодится та или иная вещь. Аллах подал тебе знак, но ты, Хасан, в своей слепоте не заметил этого. Ты думал, что уже достиг вершины, но подлинный шедевр ждал тебя впереди. И надпись на клинке лишь подтверждает это.

Хасан вернулся домой, размышляя над словами муфтия. На пороге его ждал гонец, в котором мастер узнал человека Ибрагим-паши. Рядом с ним стоял прекрасный белый жеребец в роскошной сбруе. Гонец приветствовал Хасана и передал ему письмо от своего господина. Вложив поводья жеребца в руку мастера, посланец удалился. Удивленный Хасан прочел письмо, из которого узнал, что под именем Ибрагим-паши скрывался сам великий падишах Сулейман Кануни. Повелитель благодарил мастера за великолепный меч, который тот изготовил, несмотря на скромную оплату. Султан извинялся, что пробудил в Хасане честолюбие, но ведь результатом этого стало появление самого лучшего клинка в мире. Он просил принять в благодарность подобающую оплату – белого жеребца и притороченный к седлу внушительный мешок с золотом.

Мастер уселся у себя во дворе, безмерно удивленный всем тем, что произошло с ним в этот день. Вечером он как обычно лег спать, но утром его обнаружили в постели мертвым. Пораженный и растроганный письмом от самого султана Сулеймана, Хасан понял, что изготовил самый лучший свой меч для Великого падишаха, о чем он и не смел мечтать. Мастер осознал, что теперь просто не сможет создать меча лучше, чем тот, который он отдал повелителю. Так, неожиданно для себя мастер достиг предела. Как известно, все пути с вершины ведут вниз, но Хасан спускаться не захотел и тихо умер во сне, раздавленный собственным величием.

Кудасов замолчал, а затем негромко повторил:

– У всего в этом мире свой час... Так-то, Миша.

Синявский поднялся:

– Мне надо ехать. Ситуация более-менее понятна. По телефону ничего не обсуждаем. Жду твоего возвращения из Швейцарии.

Они снова обнялись, и Синявский вышел в гостиную, встреченный неизменно внимательным взглядом телохранителя.

Глава 5

Паркинг, расположенный под его домом, был почти пуст. Михаил не встретил никого из соседей – суббота, и жильцы как обычно разъехались по загородным домам, ресторанам и шоппинг-центрам. Он поднялся на лифте, с замиранием сердца подумав, что сейчас увидит Алину. Его всегда удивляло, как ей удается не выглядеть уставшей даже после длительных перелетов и тяжелых командировок. Алина провела неделю в Париже, но это была деловая поездка, насыщенная большим количеством сложных встреч. До их знакомства она проработала несколько лет финансовым аналитиком в иностранном банке, который ликвидировал свой российский офис после введения антироссийских санкций. Используя приобретенные опыт, репутацию и связи, девушка стала независимым консультантом по инвестициям. Как выяснилось, ее знания оказались чрезвычайно востребованными среди тех иностранных инвесторов, кто пока еще не потерял надежды заработать на российском рынке. График передвижений Алины был весьма напряженным – Лондон, Мюнхен, Париж, Женева, Рим, Брюссель, Прага. Причем, в каждом городе у нее было минимум по две, а иногда и по три встречи в день. Стоя у двери, Синявский подумал:

– Наверняка, как всегда, Алина будет бодряком!

Короткие переливы дверного звонка, и вот она – любимая, с еще влажными после душа волосами, в красном кимоно, расшитом драконами, – открывает ему дверь! Михаил обнял девушку, которая нежно прижалась к нему.

– Как же я рад тебя видеть!

– И я!

Она, улыбаясь, спросила:

– Голодный?

– Еще какой! Поехали, пообедаем в городе!

Вместо ответа она мягко привлекла его к себе, и Михаил, почувствовав под шелком кимоно ее обнаженное тело, забыл обо всем.

Позже, когда Алина лежала у Синявского на плече, он, вдыхая аромат ее волос, спросил:

– Может быть, все-таки выберемся куда-нибудь? А то я у дяди только слегка перекусил и сразу поехал в Москву.

Алина приподняла голову и с притворной обидой произнесла:

– Что же это вы, Михаил, не пообедали у своего дядюшки-параноика? Неужели паспорт забыли, и вас не допустили к трапезе?

Михаил рассмеялся:

– Вот ты злюка! Я же объяснял тебе, как там все сложно. А ты издеваешься...

Алина улыбнулась и ответила, обняв его за шею:

– Я перепугалась, сразу какие-то ужасные вещи в голову полезли... а, если серьезно, то мне кажется, что пока я рядом с тобой, то ничего плохого не может произойти.

Синявский опять рассмеялся:

– Вот так начинается разговор о свадьбе?

Алина обиженно взглянула на него и ответила коротко:

– Дурак ты, Мишка!

Она попыталась встать, но он прижал ее к себе и начал целовать. Девушка шутливо сопротивлялась, пряча лицо от его губ, но быстро сдалась. Увидев, что опасный момент миновал, Синявский откинулся на подушку, а Алина, снова устроившись у него на плече, спросила:

– Там действительно у тебя все нормально? С такой срочностью тебя вызвали..

– Да, ерунда! У дяди, как выяснилось, нашлись какие-то старинные документы, и он не знает, что с этим делать.

– В смысле?

– Долгая история... я так понимаю, есть некий артефакт, которым интересуются безумцы-коллекционеры...

Алина повторила за ним:

– Почему безумцы?

Михаил вздохнул:

– Потому что они дяде прохода не дают. Представляешь, узнали номер его мобильного и позвонили ему!

– И что?

– Угрожают и требуют продать артефакт.

Алина перевернулась на живот и приподнялась на локте:

– И что же твой великий дядя? Поставил на уши свою охрану и везде ищет бандитов?

Михаил, уловив сарказм, который явно мог привести к ссоре, мягко ответил:

– Да не ищет он никого! Ему не до этого сейчас. Он в понедельник улетает. А вообще-то, как сказали в одном известном фильме: очень трудно искать черную кошку в темной комнате!

Алина с недоумением заметила:

– Это что-же за артефакт такой должен быть, что люди даже телефон Кудасова откопали?

Синявский пожал плечами:

– Черт его знает! Я сам не видел. Какой-то пергамент с текстом

Она снова съязвила:

– Дядя твой, наверное, охрану выставил за километр, в сейфе под землей спрятал реликвию.

Михаил улыбнулся:

– Хватит уже клевать дядю моего! Я уверен, нет в этих страницах ничего ценного, если он их в квартире оставил.

Она села на кровати и произнесла:

– Я тогда вообще не понимаю, зачем он тебя вызвал, если там нет ничего ценного?

– Ну, мы пока этого точно не знаем, но обязательно разберемся.

Он потянул ее к себе, Алина заулыбалась и поцеловала его.

Оставшуюся часть дня Михаил наслаждался обществом Алины. Они поехали в ее любимый ресторан русской кухни на Тверском бульваре, а потом добрались до Петровского пассажа, где Алина хотела сделать кое-какие покупки. Она повернулась к Синявскому и с улыбкой объявила:

– Вон там в кафе подожди меня!

Михаил с благодарностью посмотрел на любимую: он терпеть не мог ходить по магазинам. Алина, словно прочитав его мысли, кивнула и сказала:

– Да знаю я, что ты не любишь шоппинг!

Синявский с чашкой латте уселся напротив пианиста, наигрывавшего вальсы для услады слуха посетителей, и принялся разглядывать интерьер полупустого пассажа. Закончив с кофе, он поднялся и пошел на улицу, чтобы покурить, но наткнулся на витрину ювелирного бутика. Там, в обрамлении сверкающих огней подсветки на бархатной подушечке лежало кольцо из желтого золота с мерцающим мягким светом синим камнем без острых граней – роскошным сапфировым кабошоном. Повинуясь инстинкту, Михаил зашел в бутик и через двадцать минут выбрался на улицу уже с покупкой. Ему очень хотелось вручить подарок Алине сразу, как только он увидел ее, идущей с покупками в руках, но усилием воли Михаил подавил желание и оставил сюрприз до вечера. Они вернулись домой поздно, засидевшись в кондитерской, и Синявский достал коробочку с кольцом. Он обнял Алину и, протянув ей подарок, произнес:

– Люблю тебя!

Девушка, улыбаясь, открыла футляр и заглянула внутрь, а затем прошептала:

– Миша, какая прелесть!

Синявский купил бы еще сто колец, лишь бы снова увидеть такой восторг в ее глазах. Какое счастье, что она тогда перепутала педали!

В понедельник Михаил собрал небольшую летучку, уделив больше всего внимания нюансам работы отдела эккаунтинга. Проблем как таковых пока не наблюдалось, но Синявскому хотелось понять в деталях тот процесс взаимодействия с клиентом, который сложился в агентстве за последнее время. Неожиданно всплыл острый момент: эккаунты, а затем и подавший голос директор по развитию бизнеса, оказались недовольны работой ВТЛ-отдела. Как оказалось, причиной этого стал недавний отказ ВТЛ-директора брать в работу новый бриф клиента. Михаил спросил Анжелу:

– В чем причина отказа?

За нее ответила директор по развитию:

– Просто ВТЛ-отделом больше не рассматриваются проекты с бюджетом менее пяти миллионов рублей. А где сегодня можно найти такие жирные проекты? Их не так и много, за них бьются насмерть. При этом уже три проекта на два-три «лимона» они отказались делать!

– У нас не так много ресурсов, чтобы расплыться на мелочь, – парировала, наконец, Анжела.

Директор по развитию вспылила:

– А не пробовали напрячься хоть немного?

В ходе перепалки выяснилось, что вполне лояльные до недавнего момента клиенты не хотят продолжать сотрудничество с агентством в ВТЛ-сфере. «Мне клиент так и сказал прямым текстом, что после того мероприятия он с нами работать просто не сможет!», – эмоционально заявила директор по развитию. Синявский, перехватив гневный взгляд, брошенный ей Анжелой, поинтересовался:

– Коллеги, о чем речь? Поясните, пожалуйста!

Все замолчали. Анжела, поняв, что объяснения ждут именно от нее, проговорила:

– У нас не очень удачно прошло мероприятие четыре месяца назад, и...

«Отдел развития» насмешливо хмыкнула в ответ, а «эккаунтинг» ехидно заметила:

– Не очень удачно? Анжела, да вы просто завалили ивент! Кейтеринг опоздал, экран завис, ведущий был вообще отстойный!

Игнорируя ее замечание, Анжела обратилась к Михаилу:

– Этого человека мы уволили, и теперь как раз ищем нового.

Синявский попытался примирить спорящих:

– Коллеги, это уже дело прошлое! Прежде всего давайте успокоимся. Я услышал все стороны, и ясно, что есть проблема. Будем разбираться.

Он попросил задержаться Ингу, руководителя HR-отдела, которая, с озабоченным выражением на лице, села напротив. Синявский обратился к девушке:

– Инга, как идет процесс поиска нового ивентника? Есть что-нибудь стоящее?

– Да, сегодня до обеда я пришлю резюме нескольких кандидатов.

– Отлично! У меня к вам просьба – найдите, пожалуйста, резюме предыдущего ивент-менеджера и пришлите мне. Очень любопытно взглянуть.

Инга сухо отреагировала:

– Конечно.

Вернувшись в кабинет, Михаил снова прокрутил в памяти совещание, вспоминая слова и лица его участников. Да, похоже, что проблема с подбором персонала, как ни закрывай на нее глаза, дает о себе знать. Того и гляди, начнется открытая война между отделами, а это беда!

Через полчаса Инга прислала резюме кандидатов и уволенного ивент-менеджера, некоего Виталия Жиркова. С этого документа Михаил и начал. Хватило двадцати секунд, чтобы понять суть проблемы: как он и предполагал, Виталий Жирков просто не был компетентен в той мере, которая требовалась для проведения большого корпоративного мероприятия. За плечами имелся некоторый опыт работы в агентстве, специализировавшемся на организации свадеб. Синявский зашёл на страничку этого агентства и в разделе «Наша команда» с удивлением узнал в руководителе Анжелу – директора своего ВТЛ-отдела. Вот это поворот! Ну, теперь все понятно: скорее всего, Анжела, пользуясь хорошими отношениями с Ингой, перетащила в «Атлантис» своего сотрудника, который мог быть ее братом, племянником, любовником или просто хорошим знакомым. А тот не справился с задачей, и начался скандал, закончившийся увольнением Жиркова. Отсюда и подозрительное молчание директоров относительно провального мероприятия. Синявский подумал, что вопрос персонала надо брать на отдельный контроль, а ситуацию с Анжелой и Ингой он рассмотрит немного позже. Торопиться не стоит, но делать с этим что-то нужно. Он распечатал присланные Ингой резюме и взял бумаги с принтера. Внимательно вчитываясь в каждое, из пятнадцати резюме Михаил отложил только три, из которых сначала выбрал одно: Сергей Колесников, сорок четыре года, ВТЛ-специалист, заявленный опыт большой, долго занимал позицию ВТЛ-директора в международном рекламном агентстве, за плечами крупные проекты, говорит на английском, несколько лет работал на себя. Синявский представил, какой шум поднимут Инга и Анжела из-за возраста кандидата и задумался: ну да, не мальчик, но опыт-то хороший.

Он еще раз просмотрел отложенные в сторону резюме. Первый – Вячеслав Анисимов, 32 года, в ВТЛ около десяти лет, масштабные проекты, просит высокую зарплату. Второй – 44-летний Сергей Колесников с опытом в восемнадцать лет, выдвигает довольно средние требования для своей квалификации. Третий – Дмитрий Прокофьев, 28 лет, в бизнесе всего пять лет, хочет огромную зарплату. Михаил попросил зайти к нему Ингу. Когда она села в кресло, он заметил:

– Я просмотрел отобранные резюме. Должен сказать, что они довольно разноплановые.

Инга, стараясь скрыть недовольную мину, спросила:

– Почему?

Михаил, делая вид, что не заметил ее гримасу, дружелюбно ответил:

– На мой взгляд, у кандидатов разный опыт. Один провел много промо-проектов, у другого за плечами ивенты и руководящая работа.

– А третий?

Синявский улыбнулся:

– А третий – выражаясь вашим языком, является возрастным кандидатом, с которым Анжеле будет сложно работать. Правильно?

Инга, осознав, что ее доводы все-таки услышаны руководством, немного расслабилась:

– Да. Именно так. Мы добавили его, чтобы картина была более-менее объективной.

И на ком же вы остановились?

Михаил снова улыбнулся:

– Ни на ком конкретно. Я предлагаю посмотреть всех. Согласуйте, пожалуйста, с Мариной мое расписание по встречам с кандидатами на этой неделе. Вопрос срочный, и не хочется терять время.

Инга поднялась:

– Хорошо.

Уже у двери Михаил спросил

– Инга, скажите, а вас не смущает, что кандидат с самым маленьким опытом просит самую высокую зарплату?

Девушка обернулась и ответила, будто давно ждала этот вопрос:

– Не смущает. Это очень хороший показатель.

– Показатель чего? Жадности?

От Синявского и на этот раз не укрылось презрительное выражение, мелькнувшее на ее лице:

– Нет, конечно. Просто кандидат амбициозен, все дело в этом. Нам нужны именно такие – молодые и амбициозные.

– А как же опыт?

– У него опыта поменьше, но он не менее ценен. И повторю, он молод и амбициозен.

Соответственно, такой человек хорошо вольется в команду Анжелы.

Михаил с улыбкой кивнул, давая понять, что принял ее доводы, и Инга вышла.

Глава 6

Вечером того же дня Синявский по дороге домой, чертыхаясь в пробках на Садовом, набрал дяде:

– Привет, выезжаешь?

– Привет, дорогой! Да, уже скоро поеду. Я тебе позже позвоню, из машины. Ладно?

– Конечно!

Видимо, самолет уже подали, раз дядя так торопится, хотя с мигалками ему никакие пробки не страшны.

Позвонила Алина:

– Привет, любимый!

– Привет!

– У меня встреча нарисовалась с одним олигархом, так что буду позже. Где-то через два часа.

– Заехать за тобой?

– Не нужно, я на машине. Ужин в холодильнике – отличное жаркое. Все, целую!

Синявский, погруженный в размышления относительно текущих дел в агентстве, подъехал к дому через час. Он едва успел пройти в прихожую, как его мобильный негромко затрещал. По мелодии Михаил понял, что это кто-то из дядино окружения. Звонил Кочетков, телохранитель Кудасова:

– Михаил, у нас ЧП! Срочно приезжайте на квартиру Александра Борисовича!

Михаил выкрикнул:

– Что случилось?

– Не могу говорить по телефону. Срочно приезжайте!

Зазвучали короткие гудки, и Синявский бросился к лифту. От волнения дрожали руки – что могло произойти с дядей? Они же совсем недавно разговаривали! Слава Богу, ехать недалеко! Однако, спустившись в паркинг, Михаил захлопнул уже приоткрытую дверцу «Мерседеса», и побежал назад к лифту. Крутиться по пробкам сейчас будет значительно дольше. Лучше пешком, здесь недалеко, минут десять.

Александр Борисович жил в доме, примыкающем к парку Дворца молодежи на Воробьевых горах. Три башни, верхушки которых едва видны с Ленинского проспекта, утоплены среди зелени и крыш соседних домов. Когда листвы нет, они более заметны. Синявский пробежал по «зебре» наземного перехода, не отводя глаз от красных сигнальных огней, установленных на крышах этих башен.

Первое, на что он обратил внимание, это были полицейский «Лендкрузер» и «скорая» с включенными «мигалками», стоящие во дворе дома, в котором жил дядя. Кочетков ждал его наверху – в огромном пентхаусе Кудасова. Михаил с порога крикнул:

– Что произошло?

Кочетков и генерал полиции, сидящие в креслах, молча поднялись ему навстречу. Синявский был знаком с генералом Валерием Климовым – тот дружил с дядей и иногда заезжал в гости. Телохранитель негромко сказал;

– Михаил, Александр Борисович мертв.

Синявский изумленно уставился на него:

– Что?! Что ты сказал?

– Ваш дядя мертв.

Генерал наблюдал за сценой, не сказав ни слова.

Михаил спросил:

– Где он?

Кочетков мотнул головой в сторону кабинета. Синявский распахнул двери комнаты и увидел в кресле дядю. Голова, которую прежде никому не удавалось склонить, безвольно упала на плечо. У Михаила пересохло в горле. Обернувшись к вошедшим следом за ним телохранителю и генералу, он прохрипел:

– Твою мать, кто-нибудь скажет мне, что здесь случилось?

Кочетков ответил:

– Михаил, давайте вернемся в гостиную.

Генерал Климов двинулся обратно первым. Синявский, так и не сняв пальто, сел в кресло и закрыл лицо ладонями. От тяжести потери стучало в висках. Он с трудом разжал веки и посмотрел на сидящих напротив мужчин. Кочетков произнес:

– Все было как обычно перед отъездом – я отнёс вниз чемоданы, водитель Серёга завел машину, джип охраны тоже был готов к началу движения. Александр Борисович и я вместе спустились на лифте и сели в «Мерседес». Едва мы тронулись, ваш дядя попросил сдать назад – он что-то забыл, кажется, какие-то бумаги. Александр Борисович ушел наверх и пропал. Я поднялся за ним через пятнадцать минут и нашел его в этом кресле.

Михаил выслушал Кочеткова, но ничего не сказал. Генерал откашлялся и произнес:

– Михаил, дело серьезное. Похоже, Сашу убили. Именно поэтому я здесь. Хорошо, что Владимир сразу вызвал меня.

Синявский перевел глаза на Кочеткова:

– Убили? Почему?

Генерал ответил:

– Скорее всего ограбление, в кабинете что-то искали, но...

Михаил набрал в легкие побольше воздуха и закричал на телохранителя:

– Как это «убили»? А ты, скотина, где был, когда его убивали? Сидел, гнида, в теплой машине, а моего дядьку убивали в это время?

Синявский рванулся вперед с такой силой, что едва не опрокинул массивное кресло. Он кинулся к Кочеткову и, схватив его за пиджак, начал трясти.

– Отвечай, почему ты не пошел с ним? Ты же телохранитель, ты должен был его охранять все время!

Генерал с трудом оттащил Синявского назад в кресло, а Кочетков спокойно, как будто не его сейчас хватили за грудки, ответил:

– Я собирался подняться вместе с Александром Борисовичем, но он отказался, сказав, что идет всего на пять минут. Иногда ваш дядя так делал.

Он замолчал на секунду и добавил:

– Я не хотел говорить этого сейчас, Михаил... в этом состоянии трудно услышать что-то... я понимаю... но я без колебаний отдал бы жизнь за Александра Борисовича... для меня это не меньшая потеря, чем для вас...

Синявский безмолвно выслушал Кочеткова и почувствовал, как сошла на нет агрессия, оставив место жуткой слабости. Задрожали руки. Он поискал в кармане сигареты и, затаившись, тихо спросил:

– Почему вы решили, что это убийство?

Генерал снова откашлялся и, тоже закурив, пояснил:

– Медики обнаружили на груди место укола. Вероятно, это был яд. Мы, естественно, выясним детали и...

Михаил перебил Климова:

– Каким образом кто-то мог проникнуть в пентхаус, расположенный в доме, который напичкан видеокameraми? Как охрана могла его пропустить? Я знаю, что на лестничной площадке перед дверью в эту квартиру тоже установлены камеры. Кто-нибудь смотрел записи с них?

Он оглядел собеседников, а Кочетков ответил:

– Это было первое, что я сделал после того, как позвонил Валерию Николаевичу.

– И что там?

– Ничего. Александр Борисович и я выходим из квартиры, садимся в лифт, спустя десять минут ваш дядя возвращается и входит в квартиру. Через пятнадцать минут поднимаюсь я. Ни в десятиминутную паузу, ни в промежутке до моего появления на площадке ничего не происходило.

Синявский решительно поднялся:

– Покажи! С какого сервера ты смотрел запись?

– С сервера квартиры.

Кочетков и генерал тоже встали. Телохранитель провел мужчин в небольшую комнату, в которой стоял стол с монитором и клавиатурой. Он сел за компьютер и, введя пароль, включил видеозапись. Синявский, едва сдерживая слезы, смотрел как еще живой Кудасов выходит из квартиры вместе с Кочетковым. Дядя вошёл в лифт. Следующие десять минут трое мужчин напряженно всматривались в монитор, стараясь разглядеть хотя бы намек на тень преступника. Изображение на экране мигнуло, застыло на несколько секунд, но потом восстановилось. Через пару минут двери лифта раскрылись, и Кудасов снова появился на площадке, открыл квартиру и вошёл. Еще пятнадцать минут Михаил, Кочетков и генерал молча вглядывались в экран, дожидаясь появления телохранителя.

Владимир, вздохнув, хотел выключить запись, но Синявский остановил его. Он просмотрел запись до момента прихода генерала. Кочетков, уже не пытаясь скрывать обиду, взглянул на него с укором. Михаил без обиняков резко проговорил:

– Я и не скрываю, что подозреваю тебя. Понятно? Ты его охранять должен был, но остался в машине. А его убили! Совпадение?

Кочетков медленно встал со стула и посмотрел в глаза Михаилу:

– Совпадение. Я повторяю, что ваш дядя велел остаться мне в автомобиле. И тому есть свидетели.

Синявский зло отмахнулся от него и вернулся в гостиную, откуда прошел в кабинет. Он устало сел в кресло напротив мертвого дяди и горько прошептал:

– Вот и ты ушёл, мой дорогой... Один я остался...

Он смотрел на до боли знакомую комнату, в которой Кудасов ругался на него за прогулы в университете, хвалил за успехи, дарил подарки. Воспоминания нахлынули потоком, и Синявский просидел, смотря в одну точку, минут десять. На пороге возник генерал:

– Михаил, можно? Я все понимаю – тяжелая потеря, но есть неотложные вопросы, которые необходимо решить прямо сейчас.

Синявский посмотрел на него отсутствующим взглядом, и, согласно кивнув, тихо ответил:

– Пару минут дайте мне.

Генерал развернулся и вышел. Михаил вдруг вспомнил, как однажды Кудасов сказал:

– Человек на Земле – гость.

Он подошел к дяде и, погладив его по мертвой руке, прошептал:

– Вот и закончилось твое путешествие, мой дорогой гость...

Слезы сами полились из глаз. Он давно позабыл, насколько они соленые. Синявский вытирал их ладонью, но они текли без остановки еще несколько минут. Наконец, Михаил стал понемногу приходить в себя. Машинально он взял, повертел в руках и вернул на стол серебряный «Монблан». Любимая ручка Кудасова лежала на настольной записной книжке. Синявский взглянул на открытую страницу: вперемешку бытовые и деловые записи типа *«Витя – напомнить про каталог!»*, *«Самойлов – перенести совещание на сл. неделю»*. Отдельно стояла пометка *«позвонить Мишке по дороге»*. Синявский почувствовал, как глаза снова становятся

влажными. Внизу страницы крупно, будто Кудасов торопился записать это во время телефонного разговора, было написано:

$$7200 * 0,0044 = 31,68 \sim 31,7$$
$$10C * 31,7 = 317$$
$$\sim 320 + !!!$$

Число $\sim 317+$ было выведено крупнее и заключено в кружок, а три восклицательных знака явно указывали на важность этого значения для дяди.

Синявский вздохнул и, закрыв записную книжку, медленно пошёл в гостиную к ожидавшим его генералу и телохранителю. Он услышал, как зазвонил его мобильный. Это была Алина, но у Михаила не оставалось сил сейчас что-то объяснять, и он сбросил вызов. Снова усевшись в кресло, Синявский показал генералу, что готов к разговору. Климов сразу перешёл к делу:

– Михаил, ситуация такая... Фигура твоего дяди довольно значительна для российского бизнеса, и внимание к его персоне всегда было большим. Если журналисты пронюхают, что это убийство, то поднимется громкий шум. А я так понимаю, это ведь никому не нужно? Собственно, я здесь именно для того, чтобы решить этот вопрос.

Он сделал паузу и, видя, что возражений не последовало, продолжил:

– Следователь Копылов, Дмитрий Владимирович, – мой человек. Он все сделает, закроет дело так, что комар носу не подточит. Если ты не против, то я сейчас всех приглашу — Копылов ждет в моей машине внизу, врачи «скорой» тоже мои. Что скажешь?

Генерал вопросительно взглянул на Синявского, безмолвно сидящего напротив. Михаил пошевелился в кресле и спросил:

– Как убийца мог проникнуть сюда? Не могу представить.

Генерал понимающе кивнул:

– Миша, мы закроем дело так, чтобы избежать огласки, но это не значит, что мы никого не будем искать. И уверяю, Копылов найдет. Я делаю это ради нашей многолетней дружбы с Сашей. Мы найдем этого урода. Мне сейчас нужно получить твое согласие по приоритетному вопросу, а немного позже следователи предпримут все необходимые действия. Не переживай, пожалуйста.

Синявский выслушал генерала и согласно кивнул. Климов тут же достал из кармана мобильный и позвонил. Через пять минут квартира наполнилась людьми в штатском и белых халатах. Они тихо переговаривались, стараясь не смотреть в сторону Синявского, Кочеткова и генерала. Какой-то полный мужчина руководил всем процессом, негромко отдавая приказания сотрудникам. Вероятно, это и был тот самый следователь Копылов, о котором говорил генерал. В момент, когда санитары пронесли мимо него на носилках мешок с телом дяди, Михаил почувствовал, что отключается, не имея сил дальше находиться внутри этой ситуации. Он проводил их взглядом и закрыл глаза. Очнувшись он от того, что его за плечо тряс Кочетков:

– Михаил, вам звонят!

Синявский взглянул на экран смартфона – опять Алина. Он тихо проговорил:

– Аллю!

Встревоженный голос в трубке:

– Миша, ты куда пропал? Что случилось?

Михаил ответил:

– Алина, я сейчас не могу говорить. Извини. Позже все расскажу.

– Где ты?

Синявский прервал разговор, наблюдая за спящими по квартире людьми. Генерал присел напротив и обратился к нему:

– Миша, мы все завершили. Очень сочувствую твоему горю. Прими мои соболезнования. Как придешь в себя, звони по этим номерам.

Он вложил в ладонь Синявскому две визитки, которые тот убрал в карман пиджака. Затем Климов встал и вышел, уводя за собой всех остальных. Остался только Кочетков, который молча сидел и смотрел перед собой в одну точку. Михаил вдруг осознал, что даже этот кошмарный день закончился: он сидит в пустом пентхаусе своего убитого дяди, которого уже увезли в морг. Синявский задумался: а что он делает здесь сейчас? Все ведь кончено! Какая-то тварь, единолично приняв решение, поставила точку в жизни самого близкого ему человека.

Синявский поднялся и попросил Кочеткова;

– Закройте квартиру и отвезите меня домой. Сил нет вообще. Я бегом сюда прибежал.

На машине охраны Михаила подвезли к его дому. Синявский, буркнув водителю «спасибо», понуро побрел к подъезду. В прихожей он постарался отгородиться от встревоженного взгляда Алины, но она сразу спросила:

– Миша, что случилось? Где ты был? Я места не нахожу – звонки сбрасываешь, толком ничего не говоришь...

Он не хотел ничего объяснять, да, собственно, и нечего было – одни подозрения и загадки. Поэтому, он молча прошел в гостиную, открыл бар и достал бутылку водки. По-прежнему не говоря ни слова, наполнил до краев рюмку и залпом выпил. Алина наблюдала за ним, широко раскрыв глаза. Ей еще ни разу не приходилось видеть его таким. Синявский, поморщившись, проглотил водку и, взглянув девушке в глаза, произнес:

– Дядя мой умер!

Глаза Алины расширились еще больше:

– Как? Что случилось? Ты же совсем недавно с ним виделся!

– Да, а сегодня вечером его не стало. Самому не верится... Я с ним по телефону разговаривал несколько часов назад. Он спешил в аэропорт и пообещал перезвонить из машины, а потом...

Михаил присел на подлокотник кресла и, будто подводя итог, добавил:

– Такая вот петрушка....

Алина обняла Синявского и тихо прошептала:

– Бедный ты, мой бедный...

Он молча обнял ее за талию, прижавшись головой к груди и почувствовал, что ужас и мрак этого вечера немного отступили, а вокруг стало чуть светлее.

Глава 7

Первая неделя после смерти дяди стала самой тяжелой в жизни Синявского за все долгие годы с тех пор, как умерла мама. Наступили темные дни. Ему было нелегко пережить потерю настолько близкого человека, но еще труднее пришлось позже.

На следующий день после того страшного вечера Михаил отправился в офис «Сигмы». Оставаясь действующим вице-президентом, но больше на правах наследника, он созвал экстренное заседание правления компании. Члены совета директоров, перешептываясь и гадая о причине, собрались в большой переговорной. Синявский ждал всех, сидя в том кресле, которое он обычно занимал на совещаниях. Место Кудасова так и осталось незанятым. Михаил поднялся и просто объявил, что дядя прошлым вечером скончался от сердечного приступа. В переговорной повисла долгая пауза. Придя в себя, коллеги стали задавать вопросы, но Синявский говорил то, что просил генерал, – врачи не сумели спасти дядю от внезапного сердечного приступа. Директорат, посокрушавшись, перешёл к текущим вопросам. Михаил слушал очень внимательно – он искал малейшую зацепку, которая могла бы привести его к разгадке убийства. Когда Синявский думал об этом, он физически ощущал, как его глаза наливаются кровью от ненависти к убийцам. Напряженно вслушиваясь в слова директоров, он с горечью осознавал, что здесь вряд ли удастся что-то сразу обнаружить – ни серьезных конкурентов, ни конфликтов. Дела у компании шли хорошо, людей подбирал сам Александр Борисович. Все сидят на своих местах – отлаженная работа эффективной команды. Видимо, чтобы обнаружить убийц, копать придется глубже.

После совещания Михаил позвонил Марине: появились срочные дела... да, сегодня его не будет... да, встречи перенести... пока непонятно на какой день, но он выйдет на связь. Затем пришло время самого трудного: сообщить дяде Вите о смерти его лучшего друга.

Оставив машину в переулке и мрачно порадовавшись найденному парковочному месту, Синявский вышел на Старый Арбат. Его всегда удивляла народная любовь к этой улице, так как ни сам Михаил, ни его друзья или знакомые Арбат не любили. Здесь всегда множество людей, шумно, а осенью-зимой-весной через арбатскую «трубу» дует пронизывающий до костей ледяной ветер. Вот и сейчас, едва Синявский вышел из переулка, поток холодного воздуха ударил ему в лицо. Зябко поежившись и подняв воротник пальто, он пошел в сторону антикварного салона «Пандора». Звонить Туманову Михаил не стал, так как знал, что тот всегда находится в офисе в первой половине дня. Синявский не часто заходил в «Пандору», но ему нравилась атмосфера салона – сам Туманов в шутку называл его «пещерой Али-Бабы». Оставив за дверью шум Арбата с его толпами людей, уличными музыкантами и сувенирными магазинами, посетитель попал в странный мир, где, казалось, время остановилось. Его сразу окружали вещи из прошлого: старинные кресла с гобеленовой обивкой, на которой еще виднелся выцветший от времени рисунок; каминные часы с покрытыми паутиной мелких трещин эмалевыми циферблатами; альбомы с монетами и банкнотами; иконы со строгими ликами святых; большие бронзовые слоны и маленькие фарфоровые слоники; фигуры индийских богов и статуэтки Будды; картины в старых, но все еще отблескивающих золотом рамах; китайские и японские расписные ширмы и веера; бюсты Ленина и Сталина; декоративные настенные барельефы с головами композиторов и поэтов; театральные бинокли; шпаги, кортики и казацкие шашки, – словом, все, что может заинтересовать серьезного коллекционера, годами охотящегося за редкостями, или впечатлительного туриста, случайно оказавшегося внутри. Синявский вошёл, и навстречу ему сразу поднялся охранник – полностью лысый мужчина очень внушительных габаритов в короткой кожаной куртке. Он отложил в сторону планшет и вопросительно взглянул на вошедшего. Михаил его не знал, поэтому пояснил, что пришёл к Виктору Павловичу. Охранник басом ответил:

– У него сейчас встреча. Присаживайтесь, подождите...

Михаил кивнул и уселся в предложенное кресло, невольно прислушиваясь к джазовой песенке «In dieser Stadt»*, звучавшей из ставшего антиквариатом, но до сих пор работающего советского радиоприемника. Синявский мысленно удивился забавному курьезу – группа, которая исполняла композицию, тоже называлась «Antiquariat». Дверь кабинета открылась, и послышались голоса Туманова и какой-то женщины. В проеме появилась полная дама в шикарном норковом манто. В одной руке она держала большой сверток, а в другой ключ от автомобиля. Синявский заметил, как сверкнули бело-голубой молнией крупные бриллианты на толстых наманикюренных пальцах, сжимавших брелок с крылышками «Bentley». Следом за дамой показался и Виктор Павлович. Увидев Михаила, он сделал удивленное лицо. Его гостья обернулась к Туманову, а тот, подхватив ее руку, церемонно чмокнул полную кисть. Дама захохотала и произнесла низким грудным голосом:

– Ах, Виктор Павлович, вы всегда невероятно галантны!

Туманов, чуть склонив голову в сторону, с улыбкой ответил:

– Заходите, Виктория Сергеевна, всегда рад! Как найдем для вас мебель, сразу позвоню. Посетительница вышла, и дядя Витя тут же повернулся к Синявскому:

– Миша? Ты какими судьбами здесь?

Михаил встал и произнес:

– Надо поговорить.

Туманов с улыбкой показал глазами на кабинет и весело пригласил:

– Пошли!

Они прошли в комнату, также заполненную всевозможным антиквариатом. Сев в кресло, Михаил встретился глазами с взглядом Туманова, который нетерпеливо спросил:

Ну, что такое случилось?

Синявский вздохнул и ответил:

– Мой дядя умер вчера вечером... я приехал сообщить об этом.

Глаза Виктора Павловича округлились от удивления, а затем он, все еще улыбаясь, проговорил:

– Миша, это невоз...

Фраза оборвалась. Улыбка медленно сползла с его лица, и Синявскому показалось, что дядя Витя постарел сразу лет на десять. Туманов растерянно взял со стола фарфоровую лягушку, повертел ее в руках, поставил на стол и почти прошептал:

– Но как же это, Миша? Я же с ним разговаривал вчера вечером, он был в отличном настроении. Что случилось?

Синявский, ссутулившись напротив, угрюмо пожал плечами:

– Сам ничего не понимаю, дядя Витя.

Туманов вскинул на него глаза:

– Это как?

Михаил решил быть откровенным с лучшим другом своего дяди и рассказал все про вчерашний вечер. Виктор Павлович слушал, не перебивая. Неожиданно зазвонил стоявший на столе телефонный аппарат, и он, нервно сняв трубку, снова положил ее, прервав раздражающий звонок. Затем достал из ящика стола пачку сигарет и молча закурил. Стряхнув пепел, он, не говоря ни слова, пододвинул пепельницу на середину стола, поближе к Михаилу. Синявский заметил в глазах Туманова слезинки. Виктор Павлович негромко вздохнул и спросил:

– Ты за рулем?

Получив в ответ утвердительный кивок, Туманов встал и подошел к изящной антикварной горке**, открыл дверцу и вернулся в кресло с хрустальным графином, наполненным коньяком, и бокалом в руках. Он налил себе приличную порцию коньяка и молча выпил. Михаил

смотрел, как Туманов снова закурил. Так они сидели минут пять. Наконец, Виктор Павлович спросил:

– А хоть кто-то понимает, как его убили? Ты говоришь, что на видеозаписи ничего нет. Как убийцам удалось проникнуть в пентхаус Саши? С крыши? Это был Бэтмен?

Синявский неуверенно пожал плечами:

– Никто толком ничего не сказал. Мне еще следователь даже не позвонил.

Туманов сосредоточенно смотрел куда-то на стену, потом произнес:

– Эх, Саша, Саша... что же ты не продал этим уродам свои бумаги...

Синявский, задумчиво разглядывающий тлеющий кончик сигареты, взглянул на Туманова и спросил:

– Что ты сказал только что, дядя Витя?

Виктор Павлович снова со вздохом повторил свою фразу. Михаил вскочил с кресла и, внезапно разозлившись, громко, почти крича, сказал:

– Ты что, пытаешься сейчас убедить меня в том, что дядю убили из-за пары антикварных кусков кожи?

Туманов кивнул. Михаил свалился в кресло:

– Дядя Витя, но это же полная ерунда! Кто такие эти люди, чтобы замахнуться на Кудасова?

Он возбужденно закурил и продолжил:

– Нет, это какие-то структуры, заинтересованные в «Сигме»! Может быть, они отжать долю хотели или что-то еще... Да кто станет убивать такую фигуру из-за антиквариата? Я разберусь с этим! Обязательно вылезет чей-то интерес, вот увидишь.

В ответ Виктор Павлович с сомнением покачал головой и ответил:

– Ты лучше представь, насколько эти страницы им нужны, если они решились на такое...

Синявский переспросил:

– То есть твое мнение – это не бизнес?

– Нет, я же говорю тебе – дело в бумагах.

– Да что там такое в этих документах?

Туманов положил сигарету в пепельницу и налил себе еще коньяка, выпил и, сокрушенно покачав головой, сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.